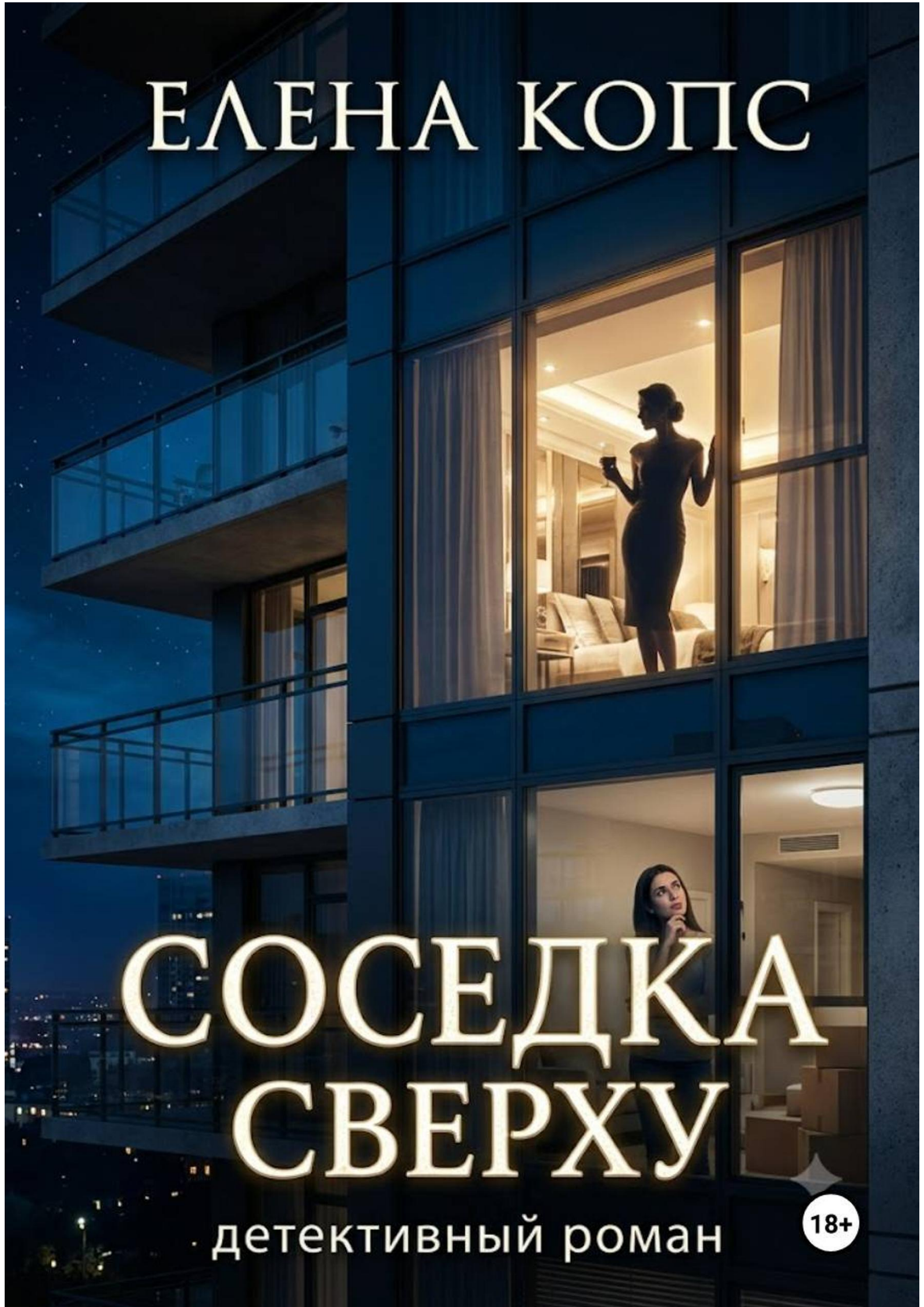

ЕЛЕНА КОПС

СОСЕДКА
СВЕРХУ

детективный роман

18+

Елена Копс

Соседка сверху

«Автор»

2026

Копс Е.

Соседка сверху / Е. Копс — «Автор», 2026

Кризисный психолог Лидия Морозова переезжает в элитный ЖК «Панорама», чтобы начать жизнь заново после развода. Но покой дорогого дома оказывается иллюзией: блестящая соседка сверху, жена миллиардера Виктория, погибает, сорвавшись с балкона пентхауса. Все улики, включая найденную у жертвы визитку, указывают на Лидию. Ситуация безвыходная: погибшая была её тайной пациенткой, и врачебная этика не позволяет психологу раскрыть следствию страшные секреты, из-за которых на самом деле убили Викторию. Дело ведет Максим Орлов — жесткий, циничный оперативник и по совместительству сосед снизу. Между следователем и главной подозреваемой вспыхивает непреодолимое притяжение, вопреки всем протоколам. Чтобы избежать тюрьмы и спастись от настоящего убийцы, Лидии придется применить весь свой профессиональный дар. Она начинает собственное расследование, срывая маски с благопристойных жильцов дома.

© Копс Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	18
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Копс

Соседка сверху

ПРОЛОГ

Тишина в кабинете казалась густой, почти осязаемой. Щелчок диктофона разорвал ее, как выстрел, и следом из динамика поплыл мягкий, но едва заметно дрожащий женский голос. В нем не было имени, не было лица, только пульсирующий, почти животный страх, спрятанный за светскими интонациями.

— Вы не понимаете... — Женщина на записи тяжело сглотнула, и этот звук заставил Лидию невольно сжать карандаш. — Я думала, что контролирую всё. Свой брак, свои деньги, свою жизнь. Но это иллюзия. В моем доме все носят маски, и я боюсь снять свою — потому что не помню, что под ней.

Голос сорвался на судорожный вдох. Послышался шорох шелковой ткани, скрип кожаного кресла.

— Если он узнает, что я здесь... если кто-то из них поймет, что я знаю...

Голос обрывается на полуслове, сменяясь глухим, ровным шипением пустой пленки. Лидия Морозова потянулась к кнопке и выключила запись. Взгляд ее темных, чуть усталых глаз скользнул по ночному городу за окном. Подсознание кризисного психолога давно кричало ей, что эта сессия закончится катастрофой. Но даже она, привыкшая распутывать чужие сломанные судьбы, не могла предвидеть, насколько близко эта катастрофа подобрется к ней самой.

ГЛАВА 1

Коробок было тридцать две. Лидия знала это точно, потому что считала их каждый раз, когда грузчики в синих комбинезонах вносили очередную порцию ее прошлого в девственно-чистое пространство новой гостиной. Тридцать две коробки — вот и всё, что осталось от девяти лет брака с Игорем. Книги по психотерапии, любимая турка для кофе, набор елочных игрушек, пара кашемировых пледов и гардероб, который теперь казался ей слишком скучным, слишком «замужним». Сама квартира, в которой они с Игорем когда-то вили семейное гнездо, осталась ему. И его новой женщине — бойкой, молодой коллеге из юридического отдела, которая, видимо, лучше умела выстраивать личные границы. Лидия, будучи успешным семейным психологом, сапожником без сапог, свои границы провалила с треском.

Она опустила на одну из коробок (кажется, ту, где лежали зимние свитера) и окинула взглядом свои новые владения. Квартира на четырнадцатом этаже «Панорамы» стояла неприлично дорого, сожрав все ее личные сбережения и деньги от продажи добрачной студии, но она того стоила. Огромные панорамные окна от пола до потолка впускали в комнату свинцовое московское небо и огни начинающего засыпать мегаполиса. Здесь пахло свежей краской, дорогим паркетом из беленого дуба и абсолютной, звенящей свободой.

Лидия провела ладонью по лицу, стирая пыль и усталость. В свои тридцать четыре года она выглядела потрясающе, хотя сама упорно отказывалась это замечать. Густые каштановые волосы, рассыпавшиеся по плечам небрежной волной, высокие скулы и глаза цвета крепкого черного чая — глубокие, умные, слишком всё понимающие. Сейчас, в растянутой серой футболке и потертых джинсах, она чувствовала себя студенткой, сбежавшей из общежития, а не respectable кризисным терапевтом с почасовой ставкой, от которой у многих округлялись глаза.

— Ну здравствуй, новая жизнь, — вслух произнесла Лидия, и ее мягкий, грудной голос эхом отразился от голых стен.

В животе предательски заурчало. За весь день она выпила лишь чашку остывшего американо из картонного стаканчика. Грузчики уехали час назад, оставив после себя легкий запах пота и пыли. Нужно было спускаться вниз, к машине, где на заднем сиденье остался пакет с продуктами — бутылка неплохого итальянского вина, сыр и виноград. Идеальный ужин для разведенной женщины, празднующей новоселье в компании собственных амбиций и страхов.

Лидия накинула на плечи легкий кардиган, взяла ключи и вышла в коридор.

Знакомство с домом началось с первых же шагов по сверкающему мрамору холла. «Панорама» не просто называлась элитной — она кричала о своих деньгах каждой деталью. В подъезде пахло нишевым интерьерным парфюмом — что-то с нотами сандала и бергамота. На стенах висели не репродукции, а вполне приличные современные абстракции в тяжелых рамах. Мягкий свет скрытых ламп создавал интимную, почти театральную атмосферу.

Она вызвала лифт. Двери бесшумно разъехались, открывая кабину из стекла и хромированной стали. Стекланный лифт скользил внутри прозрачной шахты, позволяя обозревать внутренний двор-колодец с ландшафтным дизайном, и Лидия шагнула в него, чувствуя себя героиней футуристического фильма. Кабина мягко, без малейшего толчка, понесла ее вниз, на первый этаж, где располагалась зона ресепшен.

Внизу, за массивной стойкой из темного дерева, восседал консьерж Геннадий Палыч. Лидия сразу, с профессиональной цепкостью, отметила его внешность: мужчине было около шестидесяти, он носил безупречно выглаженный форменный костюм, но его глаза — маленькие, цепкие, как у старой, опытной птицы — выдавали в нем человека, который знает о жилах этого дома всё и даже немного больше.

— Добрый вечер, Лидия Сергеевна! — Геннадий Палыч расплылся в широкой, но какой-то слишком уж отработанной улыбке, едва она подошла к стойке. — С новосельем вас! Грузчики ваши уехали, я проконтролировал. Ничего не поцарапали, не переживайте. В нашем доме с этим строго.

— Добрый вечер, Геннадий Палыч. Спасибо, вы очень любезны, — Лидия улыбнулась в ответ, чувствуя, как консьерж сканирует ее с ног до головы, оценивая и джинсы, и отсутствие обручального кольца на правой руке, и ключи от «Ауди», которые она вертела в пальцах.

— Да что вы, это моя работа! — Он понизил голос, доверительно подаваясь вперед, словно собирался сообщить государственную тайну. — Вы, Лидия Сергеевна, главное, не стесняйтесь. Дом у нас тихий, респектабельный. Люди все серьезные, при должностях, при бизнесе. Кто в министерстве, кто в советах директоров. Но вы же понимаете... за каждым фасадом свои трещинки. Если что-то понадобится — сантехник, электрик, или, скажем, доставка какая ночью приедет — всё через меня. Я тут как швейцарские часы работаю.

Лидия, привыкшая считывать подтексты, моментально поняла: Геннадий Палыч любит поговорить, любит чувствовать свою значимость и, скорее всего, обожает собирать сплетни. Для психолога такой человек — кладёзь информации, но для жильца, который хочет сохранить приватность, — потенциальная угроза.

— Буду иметь в виду. Мне как раз нравится тишина, — нейтрально ответила она, забирая из специальной ячейки стопку корреспонденции, которую ей успели накидать бывшие владельцы квартиры.

— Тишина у нас гарантирована! Звукоизоляция — монолит! — гордо заявил консьерж, но тут же лукаво прищурился. — Хотя, конечно, соседи разные бывают. Вы на четырнадцатом? Прямо под Беляевыми. Ох, какие люди! Роман Викторович — глыба, застройщик наш, этот дом, почитай, его рук дело. А супруга его, Виктория... ох, видная женщина. Светская львица, как сейчас в журналах пишут. Вы с ней обязательно столкнетесь.

Лидия мысленно поставила галочку напротив фамилии «Беляевы», вежливо кивнула консьержу и направилась к выходу на паркинг. Воздух на подземной стоянке был прохладным и пах резиной и выхлопными газами премиальных иномарок. Она забрала свой пакет с вином и сыром с заднего сиденья и поспешила обратно к стеклянному лифту.

Ей хотелось поскорее закрыть за собой дверь. Одиночество, которого она так боялась в первые месяцы после ухода Игоря, теперь казалось спасительным коконом. Ее тело, долгое время находившееся в состоянии замороженного стресса, начало понемногу оттаивать. Вчера вечером, принимая душ в гостинице, она вдруг поймала себя на том, что долго и с удовольствием втирает в кожу крем, изучая изгибы собственного тела, словно знакомясь с собой заново. В ней просыпалась давно забытая чувственность, какое-то смутное, тягучее желание тепла — не супружеского, предсказуемого и унылого, а настоящего, обжигающего. Но сейчас было не до этого. Сейчас нужно было распаковать хотя бы постельное белье.

На первом этаже двери лифта снова открылись, и внутрь вошли двое: мужчина лет пятидесяти в безупречно сидящем костюме от Бриони и женщина с хищным, перетянутым пластикой лицом, сжимающая в руках сумочку «Биркин».

— Добрый вечер, — вежливо произнесла Лидия.

— Добрый, — сухо бросил мужчина. Женщина лишь едва заметно кивнула.

Лидия встала в угол стеклянной кабины и принялась наблюдать. Это была ее профессиональная привычка — читать людей. Соседи стояли рядом, но между ними словно пролегла невидимая бетонная стена. Мужчина смотрел в телефон, его челюсти были напряжены. Женщина смотрела прямо перед собой на свое отражение в стекле. Когда лифт тронулся, они перебросились парой фраз о каком-то ужине в ресторане на Патриарших, и Лидия поразилась холоду, сквозившему в их голосах. В «Панораме» жили соседи, которые здороваются, обмениваются дежурными фразами, но никогда не улыбаются глазами. Их лица напоминали фарфо-

ровые маски, за которыми скрывалась тотальная отчужденность. «Идеальная среда для неврозов», — диагностировала Лидия, выходя на своем четырнадцатом этаже.

Коридор встретил ее тишиной. Глубокий, мягкий ковролин гасил звуки шагов. Она подошла к своей двери — массивной, отделанной темным дубом, — и полезла в сумочку за ключами. Ключи, как назло, затерялись где-то между кошельком, визитницей и флаконом духов. Пакет с вином оттягивал руку. Лидия раздраженно дернула сумку, и связка со звоном вывалилась на пол, рассыпавшись по ковролину.

— Черт, — выругалась она вполголоса, наклоняясь.

И в этот момент дверь на лестничную клетку, ведущую с верхнего этажа, мягко скрипнула. Лидия подняла голову.

На ступеньках стояла женщина. Это была первая встреча с Викторией сверху — соседкой, о которой так благоговейно отзывался консьерж. Лидия, будучи профессионалом, способным за секунду оценить психотип человека, замерла, пораженная ее образом. Виктория была эффектной, невероятно ухоженной и словно сошедшей с обложки глянцевого журнала, но при этом приветливой и чуть манерной. На ней был длинный шелковый халат глубокого изумрудного цвета, который струился по ее стройной фигуре, подчеркивая высокую грудь и тонкую талию. Идеальная укладка — волосок к волоску, блонд теплого медового оттенка. Но главное — аромат. Волна дорогого, тяжелого, обволакивающего парфюма с нотами туберозы и амбры заполнила пространство коридора.

— О, прошу прощения! Я вас напугала? — Голос у Виктории был низким, с легкой, тщательно выверенной хрипотцой. Она спустилась на пару ступенек ниже, двигаясь с кошачьей грацией.

— Нет, что вы, — Лидия поспешно подобрала ключи и выпрямилась. — Просто воюю с собственной сумкой.

— Вы, должно быть, наша новая соседка? Лидия? Мне Геннадий Палыч уже все уши прожужжал, — Виктория ослепительно улыбнулась. В отличие от пары в лифте, ее улыбка была широкой и казалась искренней, но глаза... Глаза оставались холодными, цепкими и невероятно внимательными.

— Да, Лидия Морозова, — она протянула руку. Рукопожатие у Виктории оказалось неожиданно крепким. Кожа ее руки была горячей, а на безымянном пальце сверкал бриллиант размером с хорошую фасолину.

— Виктория Беляева. Мы живем прямо над вами, в пентхаусе, — она сделала изящный жест рукой, словно приглашая оценить потолок. — Знаете, я так рада, что сюда въехала именно женщина. Предыдущие жильцы были такими... скучными. Слушайте, у вас наверняка там сейчас кавардак, коробки и ни одной чистой чашки. Бросайте всё и поднимайтесь ко мне. Выпьем чаю. Или чего покрепче? Я как раз открыла бутылку великолепного шабли.

Предложение было внезапным, чуть напористым. Манерность Виктории сквозила в каждом ее жесте: в том, как она откидывала волосы со лба, как играла поясом шелкового халата. Лидия почувствовала легкий укол профессионального любопытства. Женщины такого типа редко ищут дружбы с соседками просто так. За этой показной открытостью, за приглашением «заходить на чай», скрывался напряженный интерес. Виктория словно сканировала ее, оценивая, насколько Лидия может быть ей полезна или опасна.

— Спасибо, Виктория, это очень мило с вашей стороны, — Лидия ответила профессионально-мягкой, спокойной улыбкой терапевта, которая обычно успокаивала самых тревожных пациентов. — Но я боюсь, что сегодня не лучшая компания. Я на ногах с шести утра, и моя единственная мечта — принять душ и упасть на матрас. Даже если он лежит на полу.

Виктория ничуть не обиделась. Напротив, в ее глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Понимаю. Переезд — это всегда маленькая смерть. Но вы всё равно заходите. Завтра, послезавтра. Я часто бываю дома одна, муж вечно в разъездах или на совещаниях. А здесь, в «Панораме», — она слегка понизила голос, наклоняясь к Лидии, и аромат туберозы стал почти удушающим, — можно сойти с ума от тоски. Все вокруг такие важные, застегнутые на все пуговицы. Идеальные фасады. А я люблю живых людей. Вы ведь... психолог, верно? Геннадий Палыч шепнул.

Лидия мысленно прокляла болтливого консьержа.

— Верно. Семейный и кризисный.

— О, как интересно, — Виктория задумчиво прикусила нижнюю губу, покрытую матовой помадой. — Значит, вы умеете слушать. И хранить чужие секреты. Это редкий дар в наши дни, Лидия. Очень редкий.

Повисла короткая пауза. В тишине коридора было слышно, как гудит вентиляция. Лидии вдруг показалось, что идеальный фасад роскошной соседки сверху на секунду дал трещину, обнажив нечто темное, испуганное, пульсирующее где-то глубоко внутри. Точно так же звучал голос на аудиозаписи, которую она слушала час назад в своем кабинете. «В моем доме все носят маски...»

Но наваждение исчезло так же быстро, как и появилось. Виктория снова ослепительно улыбнулась, поправила ворот халата, слегка обнажив гладкую загорелую кожу ключиц, и сделала шаг назад, к лестнице.

— Что ж, не буду вас больше задерживать. Отдыхайте, Лидия. И помните — пятнадцатый этаж всегда открыт для вас. Я серьезно. Мне кажется, мы с вами подружимся.

— Доброй ночи, Виктория.

Лидия смотрела, как эффектная соседка поднимается по ступеням. Каждое ее движение было наполнено скрытой, почти животной грацией, но в то же время в ней чувствовалось невероятное напряжение. Как натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть.

Вставив ключ в замочную скважину, Лидия повернула его дважды и толкнула тяжелую дубовую дверь. Квартира встретила ее темнотой и запахом нежилого помещения. Она щелкнула выключателем. Желтый свет залил коридор, выхватив из мрака горы нераспакованных коробок.

Лидия прошла на кухню, где на подоконнике сиротливо лежал штопор, брошенный ею днем. Она открыла пакет, достала бутылку итальянского вина и ловко, привычным движением, вонзила спираль в пробку. Раздался тихий хлопок. Бокалов не было, поэтому вино пришлось налить в пузатую кружку с надписью «Самая лучшая», которую ей когда-то подарила подруга и коллега Алена.

Сделав большой глоток терпкого, чуть вяжущего красного вина, Лидия подошла к панорамному окну. Город под ней переливался тысячами огней. Машины на проспекте казались крошечными красными и белыми точками, текущими по бетонным артериям Москвы.

Она думала о прошедшем дне. О пустой квартире, которую оставила Игорю. О том, как он отвел глаза, когда она в последний раз отдавала ему ключи, и как поспешно спрятал руки в карманы, словно боялся, что она к нему прикоснется. Болезненный укол застарелой обиды кольнул где-то под ребрами, но тут же растворился в тепле от выпитого вина. Всё прошло. Она свободна.

Но мысли почему-то возвращались к соседям. К холодным, пустым взглядам пары в лифте. К болтливому, хитрому консьержу. И, самое главное, к Виктории. Лидия была слишком хорошим специалистом, чтобы не заметить: за манерностью и эффектной внешностью этой женщины скрывался страх. Виктория присматривалась к ней не как к подруге по шопингу. Она присматривалась к ней как человек, ищущий спасательный круг в море, где полным-полно акул.

Лидия потеряла виски. «Хватит, Морозова, — приказала она себе. — Ты переехала сюда не для того, чтобы спасти соседей. Ты переехала сюда, чтобы спасти себя».

Она сделала еще один глоток, чувствуя, как алкоголь расслабляет напряженные мышцы. По телу пробежала приятная, теплая волна. Впервые за долгие месяцы она ощутила себя физически живой. Ей захотелось скинуть тесную одежду, принять горячий душ, почувствовать струи воды на своей коже. Захотелось, чтобы кто-то сильный и уверенный коснулся ее плеч, снял с них груз бесконечного анализа и самоконтроля. Это внезапное, острое желание близости застало ее врасплох. Она нервно сглотнула и поставила кружку на подоконник.

В этот момент тишину квартиры нарушил глухой, ритмичный звук, донесшийся сверху. Словно кто-то тяжело прошелся по паркету в пентхаусе. Потом раздался звук, похожий на звук отодвигаемого стула. А затем всё стихло.

Лидия подняла глаза в потолок. Пятнадцатый этаж. Владения эффектной светской львицы, приглашавшей на чай.

«Идеальная звукоизоляция, — усмехнулась Лидия, вспоминая слова консьержа. — Ну-ну».

Она еще не знала, что этот звук — лишь прелюдия к симфонии лжи, предательства и крови, которая очень скоро заполнит ее новую, такую спокойную и безопасную с виду жизнь в «Панораме». И что тишина этого дома скрывает секреты, за которые некоторые готовы убивать. Но это будет завтра. А сегодня Лидия Сергеевна Морозова, разведенная, уставшая, но невероятно привлекательная женщина, просто легла на брошенный прямо на пол матрас, укуталась в кашемировый плед и уснула глубоким сном без сновидений, пока над ней, за бетонным перекрытием, медленно сжималась пружина чужой трагедии.

ГЛАВА 2

Утро ворвалось в спальню абсолютно бесцеремонно — ослепительным, холодным лучом солнца, который пробил брешь в неплотно задернутых временных шторах и ударил Лидию прямо по закрытым векам. Она поморщилась, инстинктивно натягивая на голову кашемировый плед, хранивший легкий аромат ее любимого парфюма и терпкий запах вчерашнего вина.

Пробуждение на новом месте всегда давалось ей тяжело, а сегодня тело и вовсе казалось налитым свинцом. Матрас, брошенный прямо на пол среди нераспакованных коробок, был отличным ортопедическим чудом, но даже он не спас от ощущения, будто Лидию всю ночь методично избивали. Это была не физическая боль, а фантомная — та самая, что накрывает после тяжелых жизненных переломов, когда адреналин спадает, и ты вдруг осознаешь, сколько сил потратил просто на то, чтобы выжить.

Она откинула плед и села, обхватив колени руками. Квартира была пронизана тишиной. Никакого бормотания телевизора из гостиной, которое так любил Игорь по утрам. Никакого звона ложечки о чашку. Никакого раздраженного: «Лида, ты опять переложила мои запонки?». Только ровный, едва слышный гул мегаполиса за панорамными окнами четырнадцатого этажа.

Лидия опустила босые ноги на прохладный паркет. Вчерашняя мимолетная вспышка чувственности, то странное, томительное желание тепла, которое посетило ее вечером, исчезла без следа, оставив после себя лишь легкую пустоту. Сегодня она снова была профессионалом. Собранным, хладнокровным, контролирующим каждый свой шаг. Ей предстоял важный день — первый день в новом кабинете, который она арендовала специально подальше от прошлой жизни и поближе к своему новому убежищу в «Панораме».

Приняв горячий, обжигающий душ, который смыл остатки ночной хмари, Лидия подошла к импровизированному гардеробу — распаханному чемодану на полу. Выбор одежды для психолога — это не просто вопрос стиля, это создание рабочего инструмента. Клиент считает терапевта с первых секунд: слишком строгий костюм вызовет отторжение и страх, слишком расслабленный образ — недоверие к компетентности.

Лидия выбрала золотую середину: широкие брюки палаццо цвета темного графита из плотного, струящегося шелка и простую, но безупречно скроенную блузу оттенка пыльной розы. Ткань приятно скользнула по коже, обнимая фигуру. Перед зеркалом в ванной она нанесла легкий макияж: немного тона, чтобы скрыть тени под глазами, тронула ресницы тушью, а губы — прозрачным блеском. Волосы оставила распущенными, лишь слегка умирив их заколкой. Взглянув на свое отражение, она осталась довольна. Из зеркала на нее смотрела красивая, уверенная в себе женщина тридцати четырех лет, в глазах которой читались ум и эмпатия. Никто бы и не подумал, что еще неделю назад эта женщина рыдала на полу пустой квартиры, комкая в руках документы о разводе.

До нового кабинета было всего пятнадцать минут неспешного шага. Лидия вышла из стеклянных дверей «Панорамы», кивнув вездесущему Геннадию Палычу, который уже успел сменить вечерний костюм на утренний, чуть более светлый, но не менее безупречный. Утро в этом районе Москвы было особенным. Здесь не было суеты спальных районов, не было толкучки у метро. По широким тротуарам, вымощенным дорогой плиткой, спешили к своим премиальным внедорожникам ухоженные мужчины в дорогих пальто и женщины с лицами, над которыми поработали лучшие косметологи столицы.

Воздух пах свежесваренным кофе из модных пекарен, опавшей листвой (осень уже начала вступать в свои права, раскрашивая деревья в скверах золотом) и дорогими выхлопами. Лидия купила по дороге большой капучино на миндальном молоке и свежий круассан — маленькая слабость, которую она позволяла себе в дни начинаний.

Психологический центр «Опора», где она сняла кабинет, располагался на первом этаже старинного особняка после реконструкции, зажатого между стеклянными бизнес-центрами. Внутри царила атмосфера абсолютного, обволакивающего покоя. Стены фисташкового цвета, приглушенный свет, мягкие ковры, скрадывающие шаги.

У стойки администратора ее уже ждала Алёна.

Алёна Крылова была не просто коллегой Лидии — она была ее спасательным кругом, якорем и лучшей подругой со времен университета. В отличие от сдержанной, несколько холодной Лидии, Алёна напоминала уютную, теплую печку. С ее вечно растрепанными рыжими кудрями, объемными вязаными кардиганами и привычкой носить массивные серебряные кольца на каждом пальце, она выглядела скорее как богемная художница, чем как востребованный гештальт-терапевт. Но именно к ней выстраивались очереди из клиентов, которым нужно было, чтобы их просто «подержали на ручках» и выслушали без осуждения.

— Морозова! — Алёна бросилась к ней, едва Лидия переступила порог, и сжала в своих фирменных, ломающих ребра объятиях. От нее пахло лавандой, сдобой и чем-то неуловимо домашним. — Боже, как ты выглядишь! Если развод так влияет на цвет лица, я, пожалуй, тоже выйду замуж, чтобы потом развестись.

— Привет, Крылова, — Лидия искренне рассмеялась, чувствуя, как отпускает внутреннее напряжение. — Не советую. Процесс энергозатратный, а результат не гарантирован.

— Ну-ну, не прибедряйся. Ключи от нового кабинета у меня. Пойдем, я уже там всё проветрила и даже поставила тебе на стол кактус. Для защиты от негативной энергии твоих клиентов-невротиков.

Они прошли по тихому коридору и открыли дверь с табличкой «Л.С. Морозова. Семейный и кризисный психолог». Кабинет был идеальным. Просторный, с двумя глубокими кожаными креслами, стоящими под небольшим углом друг к другу — чтобы клиенту не приходилось смотреть терапевту прямо в глаза, если ему этого не хочется. Между креслами — низкий журнальный столик, на котором неизменно будут стоять коробка бумажных салфеток (слезы здесь — дело привычное) и графин с водой. В углу — рабочий стол Лидии с ноутбуком и тем самым кактусом от Алёны.

— Спасибо, Ленусь, — Лидия провела рукой по спинке кресла, чувствуя приятную фактуру кожи. — Мне здесь нравится. Здесь... безопасно.

Алёна присела на краешек стола и внимательно, уже без шуток, посмотрела на подругу.

— Как прошла первая ночь на новом месте? Игорек не снился? Не звонил?

— Не звонил. И слава богу, — Лидия поморщилась, открывая свой ежедневник. — А ночь... Нормально. Спала как убитая. Правда, познакомилась с соседкой сверху. Очень... колоритная дама. Жена застройщика этого дома. Звала пить шабли.

— Ого! — Алёна присвистнула. — Светская жизнь бьет ключом. Смотри, втянет тебя в свои богатые интриги, глазом моргнуть не успеешь. Они там, в своих пентхаусах, все с легкой придурью, уж поверь моему опыту работы с рублевскими женами.

— Да я не собираюсь никуда втягиваться, — отмахнулась Лидия, пробегая глазами расписание на день. — Мне бы со своими пациентами разобраться. Слушай... а кто такая Валерия? У меня на одиннадцать утра стоит первичная консультация, но я не помню, чтобы сама ее записывала.

Алёна нахмурилась, вспоминая.

— А, это странная история. Она позвонила вчера вечером, когда администратор уже ушла. Я случайно трубку сняла. Голос такой... напряженный. Сказала, что ей срочно нужен кризисный психолог, именно женщина, и чтобы отзывы были безупречные. Я ей тебя посоветовала. Она назвалась Валерией, фамилию не сказала, попросила записать только по имени. Оплатила сеанс онлайн переводом, причем сразу за два часа, хотя мы так не работаем. Я

хотела отказаться, но... знаешь, у нее в голосе была такая паника. Настоящая, не наигранная. Я решила, что тебе это будет по силам.

Лидия задумчиво постучала карандашом по столу. Анонимные клиенты — не редкость в их практике. Люди боятся огласки, боятся, что их тайны станут достоянием общественности, особенно если это люди с деньгами и статусом. Но что-то в этом заочном портрете «Валерии» уже сейчас вызывало у нее легкий профессиональный зуд. Предчувствие, которое никогда ее не обманывало.

— Хорошо. Посмотрим, что там за паника, — Лидия закрыла ежедневник. — Спасибо, Алён. Иди работай, у тебя у самой через десять минут приём.

Оставшись одна, Лидия заварила себе еще чашку кофе в кофемашине, стоящей в углу кабинета, и села в свое кресло терапевта. Она закрыла глаза и начала привычную ментальную настройку. Выдохнуть. Оставить за дверью Игоря, развод, коробки в новой квартире, собственную усталость. Вдохнуть. Стать зеркалом, пустым сосудом, способным вместить чужую боль и не разбиться.

Ровно в 11:00 в дверь тихо постучали.

— Войдите, — ровным, спокойным голосом произнесла Лидия, отставляя чашку.

Дверь приоткрылась, и на пороге появилась женщина.

Первое, что бросилось в глаза — это ее желание стать невидимкой, которое, парадоксальным образом, делало ее еще более заметной. На ней было широкое кашемировое пальто цвета карамель, поднятый воротник которого почти полностью закрывал шею и нижнюю часть лица. На голове — шелковый платок, повязанный в стиле Грейс Келли, а на глазах — огромные, темные солнцезащитные очки, закрывавшие пол-лица. Она казалась воплощением шпионки из старых французских фильмов, перепутавшей съемочную площадку с кабинетом психолога.

Но Лидия была не просто психологом. Она была женщиной с идеальной памятью на детали.

Женщина сделала шаг в кабинет, нервно оглядываясь, и вместе с ней в помещение ворвался запах. Тяжелый, дорогой, обволакивающий аромат туберозы и амбры. Тот самый парфюм, который прошлой ночью едва не задушил Лидию на лестничной клетке «Панорамы».

— Здравствуйте. Вы Лидия Сергеевна? — произнесла клиентка. Голос был приглушенным, она явно старалась говорить тише, но эту низкую, тщательно выверенную хрипотцу Лидия узнала бы из тысячи.

Это была Виктория. Эффектная соседка сверху, жена миллионера-застройщика, которая вчера вечером с ослепительной улыбкой звала ее пить шабли, сейчас стояла перед ней, съевшись, словно испуганный зверек.

Внутри у Лидии всё оборвалось. Разум мгновенно просчитал ситуацию. Виктория не знает, что Лидия — та самая новая соседка. Вчера в полумраке коридора она назвалась только по имени, а визиток, естественно, не раздавала. Консьерж сказал «психолог», но фамилию, видимо, не назвал, или Виктория не придавала этому значения в панике. И теперь эта женщина, играющая в «соседку-кошку», пришла к ней за помощью под вымышленным именем.

Этика психолога требует честности. По правилам Лидия должна была немедленно сказать: «Виктория, мы с вами соседки, я не могу быть вашим терапевтом из-за конфликта интересов». Но слова застряли у нее в горле. Виктория стояла на пороге, сжимая ремешок своей дорожной сумки так сильно, что побелели костяшки пальцев. На безымянном пальце правой руки не было огромного бриллианта, который Лидия заметила вчера, но на коже осталась бледная, незагоревшая полоска от кольца. Женщина находилась на грани срыва. Если сейчас Лидия сорвет с нее маску, выставит за дверь — Виктория может просто сломаться. Или, что еще хуже, больше никогда не обратится за помощью.

«Сначала стабилизировать, потом разбираться с этикой», — приняла решение Лидия.

— Да, я Лидия Сергеевна. Проходите, пожалуйста. Вы Валерия?

— Да... — Виктория, назвавшаяся Валерией, судорожно выдохнула и быстро прошла к креслу для клиентов. Она не стала снимать ни пальто, ни платок. Лишь стянула очки, обнажив глаза.

Вчера вечером в полумраке Лидия не смогла разглядеть их как следует. Сейчас, при ярком дневном свете, она увидела: глаза у «Валерии» были потрясающего, чистого голубого цвета. Но сейчас они были воспалены, окружены глубокими тенями, которые не смог скрыть даже толстый слой профессионального консилера. В них плескался затравленный, липкий страх.

— Вы можете снять пальто, если вам жарко. Здесь комфортная температура, — мягко предложила Лидия, садясь в свое кресло и принимая открытую, расслабленную позу.

— Нет. Мне так лучше. Мне... холодно, — Валерия обхватила себя руками, словно пытаясь защититься от невидимых ударов. Она села на самый краешек кресла, сдвинув колени и напрягшись как пружина. Классическая закрытая поза. Поза человека, ожидающего нападения.

— Хорошо. Валерия, вы у меня впервые. Давайте я вкратце расскажу, как проходят наши сессии. Всё, что прозвучит в этом кабинете, останется строго между нами. Я гарантирую вам полную конфиденциальность. Вы можете говорить всё, что считаете нужным, или молчать, если вам тяжело говорить. Моя задача — не осуждать вас, а помочь вам разобраться в том, что вас тревожит. С чем вы пришли ко мне сегодня?

Валерия молчала. Она смотрела на свои руки, сцепившие сумочку. Лидия не торопила ее. Тишина в кабинете психолога — это не пустота, это пространство, которое клиент должен заполнить сам. Иногда это занимает минуты, иногда — недели. Лидия физически ощущала напряжение, исходящее от женщины напротив. Оно было густым, электрическим.

— Я... я не знаю, с чего начать, — наконец выдавила из себя Валерия. Ее красивый рот скривился в горькой усмешке. — Если бы мои подруги узнали, что я здесь, они бы умерли от смеха. У меня идеальная жизнь, Лидия Сергеевна. Идеальная. С обложки. Муж, который зарабатывает столько, что я могу купить этот кабинет вместе с этим зданием прямо сейчас, просто расплатившись карточкой. Квартира, о которой другие могут только мечтать. Отдых, шмотки, бриллианты. Я должна быть самой счастливой женщиной на свете.

— Но вы не счастливы? — мягко спросила Лидия, чуть подаваясь вперед.

— Я в ужасе. — Валерия подняла на нее свои голубые, покрасневшие глаза, и Лидию пробрал озноб. В этом взгляде не было игры. — Понимаете? Я задыхаюсь. У меня начались панические атаки. Я просыпаюсь посреди ночи в холодном поту, и мне кажется, что стены спальни сдвигаются. Что меня живьем замуровали в бетон.

Лидия кивнула, фиксируя симптомы. Классическая клиническая картина тяжелого невроза, возможно, на фоне хронического стресса.

— Расскажите мне о вашем муже, Валерия. Какой он?

Женщина вздрогнула, словно от удара. Она отвела взгляд к окну.

— Мой муж... Он властный человек. Очень властный. Он строит империи, Лидия Сергеевна. Для него люди — это ресурс. Пешки на доске. Когда мы только познакомились, мне казалось это сексуальным. Знаете, эта мужская сила, способность решать любые проблемы по щелчку пальцев. Я думала, что за ним как за каменной стеной.

Она замолчала, тяжело дыша. Лидия ждала, не перебивая. Она знала, что за этим фасадом кроется что-то еще. Что-то, что заставило гордую светскую львицу нацепить нелепый платок и бежать к мозгоправу под вымышленным именем.

— И что изменилось? Каменная стена превратилась в тюрьму? — тихо спросила Лидия. Валерия издала звук, похожий на сдавленный смешок, переходящий во всхлип.

— Золотая клетка. Да. Банально, правда? Но проблема не в этом. Я могла бы жить в золотой клетке. Многие живут, и ничего, еще и радуются. Проблема в том, что в этой клетке...

— она понизила голос до хриплого шепота, инстинктивно оглядываясь на дверь, хотя они были абсолютно одни, — ...в этой клетке происходят вещи, от которых мне становится страшно.

— Что именно вас пугает? Вы боитесь физического насилия со стороны мужа? — Лидия обязана была задать этот вопрос. Безопасность клиента превыше всего.

— Нет! Что вы, — Валерия нервно махнула рукой. — Он меня не бьет. Он даже голоса не повышает. Он просто смотрит так, что хочется провалиться сквозь землю. Дело в другом. Дело в том, чем он занимается.

Валерия вдруг начала быстро, судорожно рыться в своей сумке. Достав бумажный платочек, она начала рвать его в клочья своими идеальными, ухоженными пальцами с безупречным французским маникюром.

— Понимаете, Лидия... я не дура. Я только кажусь такой — красивой куклой для светских раутов. У меня экономическое образование. И иногда я... иногда я слышу разговоры. Или вижу документы. На его столе. В его кабинете.

Она замялась. Это был переломный момент сессии. Момент, когда клиент подходит к самому краю своей тайны и решает: прыгать или отступить. Лидия затаила дыхание. Она, как никто другой, знала, как важно сейчас не спугнуть, не проявить излишнего любопытства, остаться профессионалом.

— Вы видите документы, — повторила Лидия последнюю фразу клиентки.

— Я вижу то, чего видеть не должна, — медленно, по слогам произнесла Валерия. Эта фраза прозвучала тяжело, как приговор. — Цифры. Фамилии. Подставные лица. Какие-то фирмы, которых не существует. Огромные, невероятные суммы денег, которые переводятся туда-сюда. Я слышу, как он говорит по телефону с людьми, у которых голоса... знаете, от таких голосов веет могилой. И самое страшное, Лидия... самое страшное, что я начала замечать, как на меня смотрят его партнеры. Его люди.

Валерия подалась вперед. Ее лицо, несмотря на слой косметики, казалось серым.

— Как они смотрят на вас?

— Как на потенциальную угрозу. Или как на... трофей. Я не знаю. У него есть финансовый директор. Тихий такой, вежливый. Но каждый раз, когда он на меня смотрит, у меня мурашки по коже. Мне кажется, они знают, что я что-то подозреваю. Мне кажется, они за мной следят.

— Валерия, — Лидия заговорила чуть громче, чуть увереннее, чтобы вытащить клиентку из водоворота нарастающей паники. — То, что вы описываете, звучит очень тревожно. Скажите, у вас есть факты? Вы кому-нибудь об этом рассказывали? У вас есть кто-то, кому вы доверяете? Подруги? Родственники?

— Подруги? — Валерия горько усмехнулась. — Мои подруги — это жены таких же волков. Если я оступлюсь, они первыми перегрызут мне горло. Особенно Марина... О, Марина спит и видит, как бы занять мое место. Она ненавидит меня так давно, что я перестала это замечать. Родственников у меня нет. Я сирота. Муж — моя единственная семья. И мой главный кошмар.

Лидия почувствовала, как по ее собственной спине пополз неприятный холодок. Ситуация выходила за рамки классического семейного кризиса или невроза от скуки. Перед ней сидела женщина, которая, судя по всему, случайно заглянула за кулисы крупной, возможно, криминальной финансовой схемы своего мужа. И теперь эта женщина умирала от страха.

— Вы думали о разводе? — осторожно спросила Лидия.

Валерия истерично рассмеялась. Звук был сухим, ломким.

— Развод? Лидия, вы не понимаете. У нас брачный контракт. Жесткий, как наручники. Но даже не в деньгах дело. Он меня не отпустит. Никогда. Я знаю слишком много, даже если он думает, что я дура. А если я попытаюсь уйти... люди в его бизнесе не разводятся, Лидия. Они становятся вдовами или... или с ними случаются несчастные случаи.

Воздух в кабинете, казалось, стал плотным, невыносимо душным. Запах туберозы смешался с запахом человеческого пота — кисловатым запахом неподдельного, животного ужаса. Лидия, как психолог, должна была сейчас отделить реальную угрозу от параноидальных мыслей клиентки. Невротики часто склонны к гиперболизации. Возможно, муж просто скрывает доходы от налоговой, а воспаленное воображение одинокой, несчастной женщины рисует мафиозные разборки.

Но что-то в глазах Виктории-Валерии говорило Лидии, что это не паранойя.

— Что вы планируете делать, Валерия? — спросила Лидия, стараясь вернуть разговор в конструктивное русло. — Для чего вы пришли ко мне?

Валерия посмотрела на нее с внезапной, пронзительной ясностью. Вся ее манерность, весь этот гламурный фасад окончательно осыпался, обнажив измученную, отчаявшуюся душу.

— Я пришла, чтобы не сойти с ума. Чтобы кто-то слушал меня и говорил мне, что я адекватна. Что я не придумываю. Я хочу... я хочу оставить где-то правду. На случай, если...

Она не договорила. В этот момент за окном кабинета громко, с визгом тормозов, остановилась машина. Звук был резким, хлестким.

Валерия вздрогнула так сильно, что едва не выронила сумку. Вся ее поза мгновенно изменилась. Она снова стала натянутой струной. Паника, которую Лидии удалось немного погасить, вспыхнула с новой силой.

— Мне пора, — Валерия резко вскочила на ноги. Она суетливо натянула на глаза огромные очки, почти скрыв за ними заплаканное лицо. Пальто она запахнула так плотно, словно пыталась спрятаться в нем целиком.

— Валерия, мы не закончили. У нас есть еще час оплаченного времени, — Лидия тоже поднялась, сохраняя спокойный, профессиональный тон, хотя внутри у нее все звенело от напряжения. — Вы можете остаться. Здесь безопасно.

— Нет-нет. Мне пора. Я и так... сказала лишнего. Извините. Я приду еще. Я обязательно приду.

Она бросилась к двери. Лидия не стала ее останавливать. Она знала, что пытаться удерживать клиента в состоянии острого приступа тревоги — значит только навредить.

— Дверь открывается на себя, — только и сказала она.

Валерия дернула ручку, выскользнула в коридор и почти бегом бросилась к выходу из центра.

Лидия осталась стоять посреди кабинета. Тяжелый аромат туберозы всё еще висел в воздухе, въедаясь в кожаную обивку кресел, в портьеры, в саму кожу Лидии. Она медленно опустилась в свое кресло и потеряла виски. Голова начала невыносимо болеть.

Сессия окончилась, но работа психолога только начиналась. Лидия открыла свой ноутбук и создала новый файл, зашифровав его паролем. Она начала быстро печатать, фиксируя основные моменты разговора, позу, жесты, слова.

«Клиентка: «Валерия» (предположительно В. Беляева). Жалобы на панические атаки, тревожное расстройство, параноидальные мысли, связанные с профессиональной деятельностью мужа. Упоминает финансовые махинации («фирмы, которых не существует», «огромные суммы»). Чувство изоляции. Страх за свою жизнь («не разводятся, а случаются несчастные случаи»).

Допечатав последнюю строчку, Лидия остановилась и долго смотрела на мигающий курсор на белом экране.

Профессиональная этика кричала ей, что она обязана сохранять нейтралитет. Она не следователь. Она не детектив. Она просто психолог, чья работа — выслушать и помочь справиться с тревогой. Она не имеет права использовать информацию, полученную на сессии, в личных целях. Не имеет права лезть в чужую жизнь.

Но интуиция — темная, первобытная, женская интуиция — вопила о другом. Виктория (Лидия уже не могла называть ее Валерией даже мысленно) находилась в смертельной опасности. И Лидия теперь оказалась связана с ней не только невидимыми нитями терапевтического альянса, но и бетонными перекрытиями жилого комплекса «Панорама».

Она вспомнила вчерашнюю сцену в коридоре. Приглашение на чай. Внимательный, оценивающий взгляд Виктории. «Вы ведь умеете хранить чужие секреты, Лидия?»

Теперь она поняла. Виктория искала ее не вчера вечером. Виктория искала ее давно. Ей нужен был не просто психолог, ей нужен был свидетель. Человек, который будет знать.

Лидия встала, подошла к окну и прислонилась лбом к прохладному стеклу. На улице светило яркое осеннее солнце, спешили по своим делам люди, жизнь текла своим чередом. Но внутри у Лидии поселилось холодное, сосущее чувство тревоги. Она приехала в этот район, купила эту квартиру, чтобы обрести покой. Чтобы начать всё с чистого листа. Но, кажется, судьба решила иначе. Открыв дверь своей новой квартиры на четырнадцатом этаже, Лидия Морозова, сама того не ведая, шагнула прямо в эпицентр чужого, смертельно опасного кошмара. И пути назад, судя по всему, уже не было.

Она вернулась к столу, вытащила из сумки диктофон — свой рабочий инструмент, которым пользовалась для записи сессий с согласия клиентов, чтобы потом детально анализировать их — и положила его перед собой. В следующий раз, если Виктория придет, она должна будет предложить ей записывать их разговоры. Не для терапии. Для безопасности. Чьей именно — Лидия пока боялась признаться даже себе.

ГЛАВА 3

Вечер в «Панораме» наступал незаметно, словно кто-то медленно убавлял яркость света в огромной студии. Лидия сидела на полу своей новой гостиной, скрестив ноги по-турецки, и методично распаковывала очередную коробку. На этот раз это были книги — тяжелые тома по психоанализу, труды Ялома, Фромма, стопки профессиональных журналов, которые она собирала годами. Каждая книга была как старый друг, но сегодня даже они не приносили привычного успокоения.

После утреннего сеанса с «Валерией» Лидия чувствовала себя так, словно к ней намертво приклеилась какая-то липкая, невидимая грязь. Она не могла перестать думать о затравленном взгляде своей соседки сверху. Жена застройщика, владелица пентхауса, женщина, у которой, казалось бы, весь мир лежал в кармане шелкового халата, оказалась заложницей собственного брака и чужих криминальных тайн.

Лидия провела рукой по лицу, пытаясь отогнать наваждение. В ее профессии главным правилом было оставлять работу в кабинете. Переступая порог дома, психолог должен становиться просто человеком — со своими слабостями, чашкой чая и правом на тишину. Но как это сделать, если твоя пациентка живет ровно над тобой, и вас разделяет лишь слой армированного бетона?

Она встала, подошла к панорамному окну и прислонилась лбом к стеклу. Город внизу мерцал миллионами огней, машины на проспекте сливались в единую светящуюся реку. Москва никогда не спала, и в этом был свой особый, жестокий ритм, который Лидии всегда нравился. Но сейчас этот ритм казался ей угрожающим. «Панорама», со всеми ее стеклянными лифтами, предупредительными консьержами и идеальными фасадами, вдруг показалась ей огромным, дорого обставленным склепом, где каждый жилец был заперт в своей собственной одиночной камере класса «люкс».

Время перевалило за полночь. Лидия приняла горячий душ, стараясь смыть с себя напряжение прошедшего дня, надела любимую безразмерную футболку, заменявшую ей пижаму, и забралась под кашемировый плед на матрасе. Она включила торшер, выхвативший из полумрака недоразобранные коробки, и открыла детектив, надеясь, что чужие выдуманные преступления помогут ей отвлечься от реальных проблем.

Тишина в квартире была абсолютной. Та самая «монолитная звукоизоляция», о которой с такой гордостью вещал Геннадий Палыч, действительно работала. Не было слышно ни гула лифта, ни шума машин с улицы. Лидия погрузилась в чтение, и ее веки начали медленно тяжелесть.

И вдруг тишину разорвал звук, от которого Лидия мгновенно подскочила на матрасе, отбросив книгу.

Это был не просто шум. Это был тяжелый, глухой удар, донесшийся прямо с потолка. Словно наверху, в пентхаусе, уронили что-то массивное — шкаф или рояль. За ударом последовал звон бьющегося стекла, разлетевшегося на сотни осколков.

Лидия замерла, прислушиваясь. Сердце забилося где-то в горле.

Спустя секунду сквозь бетонные перекрытия пробился крик. Женский, пронзительный, полный неподдельного ужаса. Затем раздался мужской голос — низкий, рокошующий, слов было не разобрать, но в самой его интонации слышалась такая ярость, что у Лидии похолодело внутри. У Виктории явно происходил скандал с женщиной, и этот скандал стремительно выходил из-под контроля.

Снова грохот. Звук падающего стула. Истеричные женские рыдания, которые резко оборвались, словно кому-то зажали рот.

Лидия спустила ноги на пол. В ее голове мгновенно включился внутренний тумблер, переводящий ее из состояния «уставшая разведенная женщина» в состояние «кризисный специалист». Профессиональная привычка не проходить мимо чужой беды, помноженная на чисто человеческий, соседский долг, начала бороться с инстинктом самосохранения.

«Не лезь, — сказал ей внутренний голос, удивительно похожий на голос ее бывшего мужа Игоря. — Это не твоё дело. Милые бранятся — только тешатся. У богатых свои причуды. Вызови полицию, если так страшно, но сама не суйся».

Но Лидия знала: пока приедет полиция (если консьерж вообще их пропустит без приказа сверху), может быть слишком поздно. Она видела Викторину сегодня утром. Она знала, в каком нестабильном, пограничном состоянии находится эта женщина. Если её муж действительно тот монстр, которого она описывала, этот ночной скандал мог закончиться трагедией.

Лидия схватила кардиган, накинула его поверх спальной футболки, влезла в домашние тапочки и выскочила в коридор.

Она не стала вызывать лифт — это было слишком долго. Толкнув тяжелую противопожарную дверь, она выбежала на лестничную клетку и бросилась вверх по ступеням, перескакивая через одну. На лестнице было прохладно, гулко и пусто. Её шаги эхом отдавались от бетонных стен.

Пятнадцатый этаж встретил её такой же идеальной тишиной коридора, как и её собственный. Пентхаус занимал весь этаж, и дверь здесь была всего одна — двустворчатая, темного дерева, с массивной латунной ручкой. Из-за этой двери больше не доносилось ни звука. Эта внезапная, мертвая тишина пугала Лидию гораздо больше, чем крики и звон стекла.

Она подошла к двери и решительно нажала на кнопку звонка. Мелодичный, приглушенный перезвон растворился в недрах огромной квартиры.

Никакого ответа.

Лидия нажала ещё раз, удерживая палец на кнопке несколько секунд.

«Ну же, откройте. Покажите, что вы оба живы», — билась мысль в её голове. Она уже была готова колотить в дубовые панели кулаками, когда по ту сторону послышались легкие шаги. Щелкнул замок, и одна створка двери медленно, бесшумно приоткрылась.

На пороге стоял мужчина.

Это было первое личное знакомство Лидии с Романом Беляевым, и одного взгляда на него хватило, чтобы понять: Виктория не преувеличивала. Мужчина был холоден, эффектен и по-настоящему пугающ.

Ему было около сорока пяти. Высокий, широкоплечий, с идеальной, почти военной осанкой. Его лицо, с резкими, хищными чертами и жесткой линией челюсти, казалось высеченным из камня. Темные волосы были чуть тронуты сединой на висках, что придавало ему ещё больше солидности. Но самым страшным в нём были глаза. Абсолютно непроницаемые, цвета темного льда. В них не было ни ярости, ни возбуждения после скандала, ни капли эмоций вообще. Только ледяной, расчетливый холод человека, который привык оценивать всё вокруг с точки зрения полезности и угрозы.

Несмотря на поздний час и очевидный скандал, Роман Беляев выглядел безупречно. На нём были темно-синие брюки от дорогого костюма и белоснежная рубашка, расстегнутая лишь на одну верхнюю пуговицу. Ни единой складки. Ни капли пота. Словно он только что вышел с заседания совета директоров, а не громил мебель в собственной гостиной.

— Доброй ночи, — его голос оказался под стать внешности: низкий, бархатистый, но абсолютно безжизненный. — Чем могу быть полезен?

Он смотрел на Лидию сверху вниз, сканируя её взъерошенный вид, домашнюю футболку и тапочки. Под этим взглядом Лидия внезапно почувствовала себя маленькой, глупой девочкой, которая заигралась в спасателя. Но отступать было поздно.

— Доброй ночи. Я ваша соседка снизу, Лидия Морозова, — она заставила свой голос звучать ровно и уверенно, включая профессиональные интонации. — Я слышала сильный шум. Крики и звон стекла. У вас всё в порядке?

Роман чуть склонил голову набок, словно рассматривал забавное, но назойливое насекомое.

— Вы, должно быть, ошиблись, Лидия. У нас всё в полном порядке. Мы с супругой готовились ко сну. Возможно, звук донесся с улицы.

Это была наглая, открытая ложь. Он даже не пытался сделать ее правдоподобной. Он говорил это с таким видом, словно его слова автоматически становились истиной в последней инстанции только потому, что их произнес он, Роман Беляев.

— Звук донесся не с улицы, — жестко парировала Лидия, делая полшага вперед, чтобы заглянуть через его плечо. — Он донесся с моего потолка. И я отчетливо слышала женский крик. Я хотела бы убедиться, что с вашей женой всё хорошо.

В глазах Романа мелькнуло что-то похожее на раздражение. Едва заметная тень, которая тут же исчезла. Он положил руку на край двери, собираясь закрыть ее.

— Ваше беспокойство похвально, Лидия, но совершенно излишне. Виктория отдыхает. Спокойной ночи.

В этот момент за его спиной, из глубины огромной, залитой мягким светом прихожей, донесся звук. Всклип.

Роман не обернулся, но его челюсти едва заметно сжались. Лидия, воспользовавшись этой микроскопической заминкой, сделала еще один шаг, почти вплотную подойдя к порогу, и заглянула в квартиру.

Сцена, которую она застала, была напряженной до предела.

В дальнем конце холла, у входа в гостиную, стояла Виктория. Вчерашняя светская львица, ослепительная и манерная, сейчас представляла собой жалкое зрелище. На ней был всё тот же изумрудный шелковый халат, но сейчас он съехал с одного плеча, обнажив красную, воспаленную полосу на коже — то ли от грубого рывка, то ли от удара. Светлые волосы растрепались и прилипли к мокрым щекам. Тушь растеклась под глазами темными кругами.

За ее спиной, в гостиной, Лидия успела заметить перевернутый тяжелый журнальный столик и россыпь осколков на дорогом ковре — остатки какой-то массивной вазы.

— Виктория! — громко позвала Лидия, игнорируя угрожающе напрягшуюся фигуру Романа. — С вами всё в порядке?

Виктория вздрогнула и подняла глаза. В первый момент в ее взгляде мелькнуло узнавание и мольба о помощи — тот самый затравленный взгляд пациентки «Валерии». Она сделала неверный шаг вперед.

Но Роман Беляев медленно, не повышая голоса, произнес, не оборачиваясь:

— Вика. Иди в спальню.

Это прозвучало не как просьба. И даже не как приказ. Это прозвучало как щелчок хлыста.

И Лидия увидела, как на ее глазах происходит страшная метаморфоза. Виктория остановилась. Вся ее фигура внезапно подобралась. Страх в глазах сменился чем-то другим — отчаянной, фанатичной решимостью выжить любой ценой. Она вспомнила, что стоит перед мужем, который не должен ничего заподозрить. Она вспомнила, что Лидия — это не просто соседка, а психолог, который знает о ее тайнах. И если сейчас Виктория проявит слабость, если примет помощь — Роман начнет задавать вопросы. А вопросы Романа всегда заканчивались плохо.

Защитный механизм сработал мгновенно. Виктория расправила плечи, резким движением поправила халат, скрывая красную полосу на коже, и надменно вскинула подбородок.

— Что здесь происходит? — ее голос, еще минуту назад срывавшийся на истеричный крик, теперь звучал холодно и манерно. Она подошла ближе, вставая рядом с мужем.

— Наша новая соседка, Лидия, решила, что нас убивают, — губы Романа тронула ледяная, сардоническая усмешка. — Проявила бдительность.

Виктория посмотрела на Лидию. В ее голубых глазах стояли слезы, но лицо было искажено гримасой высокомерия и раздражения. Это был спектакль, разыгранный для одного зрителя — для мужа. И Лидия, к своему ужасу, стала в этом спектакле нежеланной реквизитной куклой.

— Слушайте, Лидия, — Виктория скрестила руки на груди. — Я понимаю, вы только переехали. Но у нас в доме не принято врываться к соседям посреди ночи из-за разбитой вазы. Мы с мужем повздорили из-за пустяка. Я неловко повернулась, зацепила стол. Такое бывает в нормальных семьях.

Лидия смотрела на нее, не веря своим ушам. Она видела, как дрожат пальцы Виктории, впечившиеся в шелк халата. Видела, как тяжело вздымается ее грудь.

— Разбитая ваза не объясняет криков о помощи, Виктория, — спокойно, но твердо произнесла Лидия, не отводя взгляда от ее глаз. Она пыталась передать ей безмолвное сообщение: «Я здесь. Я всё вижу. Тебе не нужно притворяться». — Если вам угрожает опасность, вы можете пойти со мной прямо сейчас.

Но это была ошибка. Лидия, движимая профессиональным инстинктом спасателя, нарушила главное правило: нельзя насильно вытаскивать жертву, если она сама отказывается спасаться.

Слова Лидии подействовали на Викторию как красная тряпка на быка. В ее глазах вспыхнула настоящая, непритворная ярость — ярость загнанного в угол животного, чей единственный путь к спасению только что попытались перекрыть. Она смертельно боялась, что Лидия скажет лишнего при Романи. Боялась, что ее двойная жизнь вскроется прямо здесь, на пороге пентхауса. И она решила защищаться единственным доступным ей способом — нападением. Женщины начали обмениваться резкими словами.

— Какая опасность?! В своем ли вы уме?! — Виктория сорвалась на визг, делая шаг к порогу. Роман даже не шелохнулся, с интересом наблюдая за этой сценой. — Вы что, больная? Прибежали сюда в пижаме, строите из себя мать Терезу! Да кому вы нужны!

— Виктория, успокойтесь, — Лидия почувствовала, как внутри закипает ответная злость. Она пришла помочь, а на нее выливали ушат грязи. — Я просто выполняю свой человеческий долг. В отличие от некоторых, я не могу спать, когда за стеной кого-то убивают.

— Никто никого не убивает! — Виктория почти кричала, ее лицо пошло красными пятнами. — Занимайтесь своей жизнью! У вас там, кажется, коробки не разобраны? Вот идите и разбирайте! И не смейте больше лезть в мою семью со своими психоаналитическими бреднями! Вы мне никто! Просто соседка снизу!

Это было сказано с такой ядовитой, отчаянной злобой, что Лидия невольно отшатнулась. Виктория буквально выталкивала ее вон, выстраивая между собой и своим спасением непреодолимую стену из агрессии.

Роман Беляев слегка наклонил голову.

— Я думаю, Лидия, на этом инцидент исчерпан, — произнес он своим ровным, ледяным голосом. — Моя жена бывает... излишне эмоциональна. Благодарю за беспокойство. И настоятельно рекомендую впредь не нарушать наш покой. Спокойной ночи.

Он начал закрывать дверь.

Виктория стояла у него за плечом. В последнюю секунду, когда щель стала совсем узкой, их глаза с Лидией встретились. И в этом секундном взгляде Виктории Лидия прочитала такой бездонный, первобытный ужас, что у нее перехватило дыхание. Это был крик о помощи человека, который сам захлопывает крышку своего гроба.

Дверь с тихим щелчком закрылась.

Лидия осталась стоять в пустом, гулком коридоре пятнадцатого этажа. Ее трясло. Адреналин, бурливший в крови, теперь медленно отступал, оставляя после себя горький привкус поражения и унижения. Она хотела помочь, а в итоге оказалась выставлена сумасшедшей истеричкой.

Злость — горячая, обжигающая злость на Викторию за ее трусость, на Романа за его пугающую холодность, и на саму себя за то, что вошла в это болото — захлестнула ее с головой. Лидия резко развернулась и пошла к лестнице.

Спускаясь по ступеням, она чувствовала, как внутри всё клокочет. Она была профессионалом, она понимала механизмы поведения жертвы, но сейчас в ней говорила просто оскорбленная женщина. Тишина подъезда казалась ей издевательской.

Остановившись на лестничной площадке своего четырнадцатого этажа, Лидия обернулась и посмотрела вверх, на закрытую бронированную дверь, ведущую к лестнице пентхауса. В тишине ночного подъезда акустика была идеальной. Каждое слово, произнесенное здесь, разносилось по вентиляционным шахтам и гулким пролетам, многократно усиливаясь.

— Однажды это плохо кончится, — громко, отчетливо, с расстановкой произнесла Лидия в пустоту лестничного пролета.

Это была не угроза. Это был констатация факта. Профессиональный диагноз, брошенный в спину людям, которые отказались его слушать. Она знала, что такие токсичные, построенные на страхе и лжи отношения всегда приводят к катастрофе.

Ее голос, резкий и звонкий, эхом отразился от бетонных стен и улетел вниз, в колодезь лестницы.

В этот самый момент где-то внизу, на тринадцатом этаже, тихо скрипнула приоткрываемая дверь лестничной клетки. Кто-то, разбуженный первоначальным шумом или привлеченный голосами, вышел послушать. Но Лидия этого не заметила.

Лидия толкнула дверь на свой этаж и пошла по мягкому ковролину к своей квартире. Шаги гасли в ворсе.

Вернувшись в свою спальню, она закрыла дверь на оба замка и прислонилась к ней спиной. Сердце всё еще бешено колотилось. В голове стоял ледяной взгляд Романа Беляева и перекошенное от манерной злобы лицо Виктории.

Она потеряла виски, чувствуя, как начинается зарождающаяся тупая головная боль.

— Идиотка, — прошептала она самой себе. — Какая же ты идиотка, Морозова.

Она нарушила все возможные правила. Она смешала профессиональное и личное. Она засветилась перед Романом Беляевым, показав ему, что она — свидетельница их семейных проблем. А такие люди, как он, не любят свидетелей.

Лидия подошла к окну. Москва по-прежнему сверкала огнями, равнодушная к драмам, разворачивающимся за дорогими стеклами «Панорамы».

«Что я наделала? — думала она, глядя на свое отражение в стекле. — Виктория теперь не придет ко мне на сеанс. Она напугана до смерти. Она решила, что безопаснее оттолкнуть меня, чем позволить мужу узнать правду. А муж...»

От мысли о Романе по коже пробежали мурашки. Этот человек не был обычным домашним тираном, срывающим злость кулаками. Он был умнее, тоньше и гораздо опаснее. Он контролировал всё. И теперь он знал, что соседка снизу сует нос не в свои дела.

Лидия снова забралась на свой матрас, натянула плед до самого подбородка и выключила торшер. Квартира погрузилась во мрак. Но уснуть она уже не могла.

Она лежала с открытыми глазами, вслушиваясь в абсолютную, давящую тишину, царящую наверху. Пентхаус безмолвствовал. Больше не было ни ударов, ни криков. Только глухое, тяжелое молчание, которое бывает после того, как кто-то произносит приговор.

«Однажды это плохо кончится», — вспомнила Лидия свои собственные слова.

Она была психологом и привыкла делать прогнозы. Но в эту долгую, тревожную ночь, глядя в потолок, Лидия даже представить себе не могла, насколько быстро сбудется ее пророчество, и какую страшную цену ей самой придется за него заплатить.

ГЛАВА 4

Утро после бессонной ночи всегда имеет привкус пепла и старого кофе. Лидия проснулась задолго до звонка будильника, с тяжелой, пульсирующей болью в висках. Ночные события крутились в голове бесконечной, заезженной пластинкой: ледяной взгляд Романа Беляева, перекошенное от отчаянной злобы лицо Виктории, звук захлопывающейся бронированной двери и ее собственные слова, брошенные в гулкую пустоту лестничного пролета.

«Однажды это плохо кончится».

Она лежала на матрасе, бездумно глядя в белый потолок, и ругала себя последними словами. Профессионал. Кризисный психолог. Женщина, которая учит других выстраивать личные границы и не впадать в треугольник Карпмана. И что в итоге? Влезла в классическую роль Спасателя, получила по лицу (пока только морально, слава богу) от Жертвы, и разозлила Преследователя. Блестяще, Лидия Сергеевна. Просто диссертацию можно писать.

Заставив себя подняться, она поплелась на кухню. Квартира, еще вчера казавшаяся ей убежищем, сегодня выглядела холодной и чужой. Неразобранные коробки напоминали молчаливых укоризненных свидетелей ее неустроенности. Кофемашина, к счастью, была распакована еще вчера. Лидия засыпала зерна, вслушиваясь в резкий жужжащий звук помола. Аромат горького шоколада и робусты немного примирил ее с действительностью.

Сегодня ей нужно было выглядеть безупречно. Это был ее рабочий панцирь, броня, за которой она прятала свои страхи и неуверенность. Она выбрала темно-синий брючный костюм тонкой шерсти, сидевший на ней как влитой, и шелковую блузу жемчужного цвета. Волосы забрала в строгий, низкий узел. Никакой расслабленности, никаких распушенных локонов. Сегодня она — скала. Опора для тех, кто в ней нуждается, даже если сама она внутри рассыпается на куски.

Накинув легкое кашемировое пальто — утро выдалось зябким, с типичным московским ветром, пронизывающим до костей, — Лидия вышла из квартиры.

Коридор четырнадцатого этажа встретил ее привычной, стерильной тишиной. Она нажала кнопку вызова лифта, глядя на свое нечеткое отражение в хромированных дверях. Бледная. Круги под глазами замазаны консилером, но взгляд выдает усталость.

Стеклянная кабина бесшумно поднялась из шахты и услужливо распахнула двери. Лидия шагнула внутрь, нажав кнопку первого этажа. Лифт плавно тронулся вниз, открывая обзор на внутренний двор «Панорамы» — идеальные газоны, подстриженные кусты и пустые скамейки.

Но на тринадцатом этаже кабина мягко затормозила. Двери разъехались.

На пороге стоял мужчина.

Лидия, привыкшая считать людей за доли секунды, мгновенно просканировала вошедшего, и ее внутренний анализатор выдал ошибку. Этот человек абсолютно не вписывался в вылизанный, глянцевоый контекст «Панорамы».

Ему было около сорока. Высокий, почти на голову выше Лидии, с широкими, развернутыми плечами и фигурой, которая не была результатом долгих часов в модном фитнес-клубе под руководством персонального тренера, а казалась природной, литой. На нем была потертая кожаная куртка, темные джинсы и простые ботинки. Никакого Бриони. Никаких часов Патек Филипп, выглядывающих из-под манжеты.

Но главное — это было его лицо. Резкие, жесткие черты, коротко стриженные темные волосы, чуть тронутые сединой, и глаза... Умные, насмешливые, невероятно цепкие глаза цвета стали. В них не было того стеклянного холода, который Лидия видела вчера у Романа Беляева, но не было и суетливости консьержа. Это был взгляд человека, который видел в этой жизни всё, давно перестал строить иллюзии, но почему-то не потерял способности иронизировать.

— Доброе утро, — его голос оказался густым, низким, с легкой хрипотцой. От него пахло хорошим табаком, черным кофе и свежим осенним воздухом. Запах был настолько мужским, настолько настоящим, что Лидия, отвыкшая от присутствия в своей жизни мужчин, не пахнущих офисным парфюмом, на секунду растерялась.

— Доброе утро, — сдержанно кивнула она, отступая на полшага, чтобы дать ему место, хотя кабина была огромной.

Мужчина вошел, двери закрылись, и лифт продолжил свое скольжение вниз. Лидия смотрела прямо перед собой, сквозь стеклянную стену, но всем телом ощущала его присутствие. Пространство лифта вдруг показалось слишком тесным, воздух — слишком плотным. Между ними, как это иногда бывает между совершенно незнакомыми мужчиной и женщиной, мгновенно натянулась невидимая, тонкая струна напряжения.

— Четырнадцатый этаж, верно? — вдруг нарушил тишину мужчина. Он стоял чуть позади и сбоку, и Лидия видела его отражение в стекле. Он рассматривал ее, не скрывая интереса, но без всякой сальности. Изучал, как сложную головоломку.

Она чуть повернула голову, встречаясь с ним взглядом в отражении.

— Да. Мы соседи?

— Получается, что так. Максим. Тринадцатый этаж, прямо под вами.

— Лидия.

Она хотела отвернуться, считая правила вежливости соблюденными, но Максим не собирався заканчивать разговор. Он сунул руки в карманы куртки и чуть склонил голову.

— С новосельем, Лидия. И, пользуясь случаем, хочу выразить свое восхищение. У вас великолепно поставлен голос. Театральный факультет? Или просто природный дар?

Лидия непонимающе нахмурилась.

— О чем вы?

Максим усмехнулся. В уголках его глаз собрались морщинки, делая лицо неожиданно обаятельным.

— «Однажды это плохо кончится», — с идеальной, почти пугающей точностью скопировал он ее ночную интонацию. — Час ночи, акустика на лестнице нашей расчудесной «Панорамы» такая, что в Большом театре обзавидуются. Я как раз курил на балконе черной лестницы. Впечатляющий монолог. Трагично, емко, с нужной долей фатализма. Кому предрекали катастрофу, если не секрет?

Лидия почувствовала, как краска медленно, предательски заливает ее щеки. Она, взрослый, состоявшийся профессионал, стояла сейчас перед этим незнакомым насмешливым мужиком и краснела, как школьница, пойманная за курением за гаражами. Значит, он слышал. Слышал ее позорное отступление после скандала с Беляевыми.

— Вы, Максим, я полагаю, любите подслушивать за соседями? — она вздернула подбородок, переходя в контратаку. В ее голосе зазвенели профессиональные, холодные нотки, которые обычно ставили на место зарвавшихся клиентов.

Но Максима это ничуть не смутило. Напротив, в его глазах вспыхнул азартный огонек.

— В этом доме, Лидия, чтобы подслушивать, даже стакан к стене прикладывать не надо. Главное — вовремя оказаться на лестнице. Так что там случилось? Не сошлись характерами с царственным семейством сверху?

— Это не ваше дело, — отрезала Лидия, сжимая ручку своей сумки так, что побелели костяшки. Ей безумно хотелось, чтобы лифт поехал быстрее.

— Справедливо, — легко согласился Максим. — Не мое. Просто дружеский совет новоселу: с Романом Викторовичем Беляевым и его прекрасной супругой лучше общаться исключительно через адвокатов. Или вообще не общаться. Здоровее будете.

Лидия резко повернулась к нему.

— А вы, значит, знаток местных нравов?

Максим пожал плечами, и кожаная куртка скрипнула на его плечах.

— Я просто внимательный человек. И не люблю, когда люди, особенно такие... — он сделал крошечную паузу, скользнув взглядом по ее лицу, шее, идеальному крою костюма, — ...такие серьезные и собранные женщины, тратят свои нервы на тех, кто этого не стоит.

Лифт мягко звякнул, прибыв на первый этаж. Двери начали открываться.

— Спасибо за совет, Максим, — Лидия шагнула к выходу, чувствуя себя так, словно только что провела раунд на ринге. — Но я в состоянии сама разобраться, на кого мне тратить нервы.

— Не сомневаюсь, — он вышел следом за ней. — Хорошего дня, Лидия. Постарайтесь сегодня никого не проклинать на лестнице.

Он подмигнул ей — легко, почти по-мальчишески, развернулся и зашагал к выходу на подземный паркинг. Лидия смотрела ему вслед. У него была уверенная, пружинистая походка хищника, который точно знает, на какой территории находится.

«Кто он такой? — билась мысль в ее голове. — Точно не бизнесмен. Слишком расслаблен, слишком внимателен к деталям. Полиция? Военный? Служба безопасности?»

Она поймала себя на том, что этот короткий, колющий диалог в лифте внезапно заставил ее пульс участиться, а по телу разлилось забытое, будоражащее тепло. Максим вывел ее из равновесия, пробил ее броню парой ироничных фраз, и, что самое страшное, ей это понравилось. В нем была какая-то грубая, первобытная надежность.словно, если бы потолок лифта вдруг начал рушиться, этот человек просто подставил бы плечо и удержал его.

Оба они в то утро, разойдясь в разные стороны от сверкающего холла «Панорамы», даже не подозревали, какая изощренная шутка судьбы ждет их впереди. Максим Орлов, оперативник убийного отдела уголовного розыска, ехал на службу, думая о том, что новая соседка сверху чертовски привлекательна в своем холодном гневе. А Лидия Морозова, кризисный психолог, шла к себе в кабинет, пытаясь выкинуть из головы образ мужчины в кожаной куртке. Никто из них не знал, что очень скоро этот легкий, искрящийся взаимный интерес разобьется о сухие строчки официального протокола допроса.

До психологического центра «Опора» Лидия дошла пешком. Осенний воздух немного остудил ее лицо, но внутри всё равно ощущалось непривычное волнение. У стойки администратора она столкнулась с Алёной. Подруга, как всегда укутанная в свой безразмерный вязаный кардиган, пила чай с ромашкой и болтала с девушкой на ресепшене.

Едва увидев Лидию, Алёна прищурилась, как сыщик, почуявший след.

— Морозова. Ты чего такая... взбудораженная? — Алёна отставила чашку и подошла ближе, бесцеремонно заглядывая подруге в глаза. — Щеки горят, глаза блестят. Колись. Встретила бывшего и переехала его на своей «Ауди»?

— Типун тебе на язык, Лена, — Лидия попыталась сделать строгое лицо, но губы сами дрогнули в полуулыбке. — Никого я не переезжала. Просто воздухом подышала.

— Воздухом она подышала. Ну-ну. Этот воздух, случайно, не мужского пола? — не унималась Алёна, идя за Лидией по коридору к ее кабинету.

— Сосед в лифте. Ничего интересного. Просто обменялись любезностями, — Лидия открыла дверь кабинета и бросила сумку на стол. — У меня в одиннадцать «Валерия».

Алёна мгновенно посерьезнела. Профессиональная этика и тревога за подругу перевесили любопытство.

— Думаешь, она придет? После того, что ты вчера рассказывала...

Лидия ничего не рассказывала Алёне про ночной скандал — это было бы грубым нарушением конфиденциальности и просто сплетней, но она поделилась своими опасениями относительно тяжести состояния клиентки.

— Я не знаю, Лен. Я очень надеюсь, что придет.

В 10:55 Лидия сидела в своем кресле, гипнотизируя стрелку настенных часов. Она подготовила всё: налила свежую воду в графин, проверила салфетки, достала блокнот. Но главное — она положила на край стола диктофон.

Ровно в 11:00 дверь тихонько приоткрылась.

Сердце Лидии екнуло.

На пороге стояла Виктория. Точнее, «Валерия».

Внешне она выглядела еще хуже, чем вчера. Если вчера это была испуганная светская львица, то сегодня в кабинет вошла тень. На ней были широкие, бесформенные брюки, скрывающие фигуру, и глухая, черная водолазка с высоким горлом, натянутым почти до самого подбородка. Лидия прекрасно понимала, что скрывает этот воротник. Красная, воспаленная полоса на шее, которую она видела ночью в пентхаусе, сейчас, скорее всего, превратилась в наливающийся синяк. Огромные темные очки по-прежнему закрывали пол-лица.

Лидия встала, приветствуя клиентку. В воздухе кабинета повисло густое, невыносимое напряжение.

Они обе знали правду. Они обе помнили вчерашнюю ночь. Лидия помнила истеричные крики Виктории: «Вы мне никто! Просто соседка снизу!», а Виктория помнила ледяной, прощесский диагноз Лидии: «Однажды это плохо кончится».

Слон находился в комнате, и он был огромен. Лидия должна была сейчас сказать: «Виктория, мы не можем продолжать. Я вижу вас вне кабинета. Я видела вашего мужа». Но она молчала. Если она сейчас разрушит эту хрупкую стену, за которой Виктория пряталась под именем «Валерия», женщина просто развернется и уйдет навсегда. Прямо в руки своего мужа.

Это было чудовищное нарушение правил, балансирование на грани фола, но Лидия сделала свой выбор. В этом кабинете она будет играть по правилам клиентки. Здесь не было соседки сверху. Здесь была только измученная, смертельно напуганная женщина, ищущая спасения.

— Здравствуйте, Валерия. Проходите, присаживайтесь, — мягко, ровно произнесла Лидия, указав на кресло.

Виктория кивнула, не снимая очков, и деревянной, скованной походкой подошла к креслу. Она села, обхватив себя руками за плечи.

— Я... я сомневалась, приходите ли, — ее голос дрожал, хрипел, словно ей было больно говорить.

— Я рада, что вы пришли. Это смелый шаг.

Лидия взяла со стола диктофон и показала его клиентке.

— Валерия, прежде чем мы начнем. То, о чем мы говорим, крайне важно. Иногда в процессе сессии ускользают детали, интонации, которые могут помочь мне лучше понять ситуацию. Я бы хотела, с вашего разрешения, записывать наши разговоры. Разумеется, записи будут зашифрованы и храниться только у меня. Никто не получит к ним доступа. Вы согласны?

Виктория долго смотрела на маленький черный прибор в руке психолога. За черными стеклами очков не было видно выражения ее глаз, но по тому, как напряглась ее челюсть, Лидия поняла: она раздумывает. Внезапно Виктория коротко, резко кивнула.

— Да. Записывайте. Пусть... пусть это где-то будет.

Она воспринимала этот диктофон не как терапевтический инструмент. Она воспринимала его как свой черный ящик. Как завещание.

Лидия нажала кнопку записи и положила диктофон на столик между креслами. Красный огонек индикатора тревожно замигал.

— Как вы чувствуете себя сегодня, Валерия? Что произошло со вчерашнего дня?

Виктория судорожно вздохнула.

— Вчера была ужасная ночь, Лидия Сергеевна. Самая страшная в моей жизни.

Она не стала упоминать инцидент на лестнице. Она филигранно вырезала Лидию-соседку из своего повествования, рассказывая всё так, словно они впервые видятся. И Лидия с замиранием сердца слушала то, что происходило за закрытыми дверями пентхауса до того, как она позвонила в звонок.

— Он пришел домой в бешенстве. Роман... мой муж. Он редко теряет контроль, но вчера он был как безумный. Кто-то из его окружения допустил ошибку. Я не знаю деталей, я сидела в гостиной, читала. Он ворвался, швырнул портфель. Я спросила, что случилось, и он... он просто взорвался.

Она инстинктивно потянулась к высокому воротнику водолазки, словно он душил ее, но вовремя одернула руку.

— Он кричал, что его предали. Что крысы завелись на его собственном корабле. И что он выжжет всё каленым железом. А потом... потом он посмотрел на меня.

Виктория замолчала. В тишине кабинета было слышно только легкое жужжание диктофона и тяжелое, свистящее дыхание женщины.

— Как он посмотрел на вас? — тихо подсказала Лидия.

— Как на крысу, — прошептала Виктория. — Впервые за все эти годы он посмотрел на меня не как на свою вещь, не как на красивый аксессуар, а как на врага. Я поняла, что он подозревает всех. И меня в том числе. Я пыталась его успокоить, подошла к нему, а он... он отшвырнул меня так, что я отлетела на журнальный столик. Стол перевернулся. Ваза разбилась. Было много шума.

Лидия мысленно перенеслась во вчерашнюю ночь, слыша этот звон бьющегося стекла и крик, который заставил ее выскочить из кровати.

— Мне очень жаль, что вам пришлось пережить это насилие, Валерия. Вы боитесь, что он сделает это снова?

— Я боюсь не побоев, — Виктория истерично мотнула головой. — Вы не понимаете. Физическая боль — это ерунда. Он никогда не распускал руки до вчерашнего дня. Он понял, что я что-то знаю. Он почуял это, как животное.

— Что именно вы знаете? — Лидия подалась вперед. — Вчера вы говорили про финансовые махинации, про фирмы.

Виктория оглянулась на дверь, хотя они были абсолютно одни в звукоизолированном кабинете. Она наклонилась к Лидии, понизив голос до шепота, так что микрофон диктофона едва улавливал звук.

— Это схема с квартирами. Я видела документы в его кабинете, когда он забыл запереть сейф. Он строит этот элитный дом... «Панораму». Огромный, пафосный проект. Все думают, что это чистое, престижное жилье. Но половина квартир там — пустышки.

Лидия нахмурилась, пытаясь включить аналитическое мышление.

— Что значит «пустышки»? Недострой?

— Нет. Они существуют физически. Но они проданы мертвым душам. Подставным лицам. Людям, которых не существует в реальности, или бомжам, на которых оформили документы. Через эти квартиры отмываются колоссальные деньги. Миллиарды, Лидия. Грязные деньги, происхождение которых я даже боюсь представить.

Она начала говорить быстрее, слова вылетали из нее, как пули из автомата. Ей нужно было выговориться, освободиться от этой разъедающей тайны.

— Артур Величко, его финансовый директор... этот тихий, мерзкий слизняк. Он всем этим управляет. Он создает цепочки перепродаж, фиктивные ипотеки, всё это прокручивается через банки, которые находятся в доле. Я видела таблицы. Я видела суммы. Но самое страшное — это не деньги Романа. Кто-то вливает этот нал, чтобы легализовать его через наш дом. Кто-то очень страшный. И Величко... я видела, как он смотрит на меня. Он знает, что я видела документы.

Лидия сидела, чувствуя, как леденеют кончики пальцев. Она, кризисный терапевт, ожидала услышать об изменах, о классическом абыюзе, о психологическом давлении. Но то, что рассказывала Виктория, тянуло на статью уголовного кодекса с гигантскими сроками. И люди, замешанные в таких делах, действительно не оставляют свидетелей.

— Вы думаете, Роман знает о том, что вы видели документы?

— До вчерашнего дня я думала, что нет. Но вчера... он словно сорвался с цепи. Он искал предателя. И я не уверена, что он не решил, будто этот предатель — я.

Виктория откинулась на спинку кресла. Вся ее энергия иссякла, оставив после себя лишь пустую, звонкую оболочку. Она сняла черные очки. Ее голубые глаза, обычно сияющие на светских приемах, сейчас напоминали глаза затравленной лани, которую обложили волки.

— Лидия Сергеевна... — ее голос сорвался, превратившись в жалкий, детский всхлип. — Скажите мне... как психолог. Вы же учились. Вы же знаете, как работают человеческие мозги. Что делать, если знаешь то, что может кого-то убить?

Этот вопрос повис в воздухе кабинета, тяжелый, как гильотина.

Лидия медленно выдохнула. В этот момент она перестала быть просто терапевтом. Она стала человеком, который пытается спасти утопающего.

— Если вы обладаете информацией, которая представляет угрозу для чьей-то жизни, или для вашей собственной, — честно, глядя ей прямо в глаза, сказала Лидия, — психология здесь бессильна, Валерия. Здесь нужна полиция. Или Следственный комитет. Вам нужна программа защиты свидетелей.

Виктория издала звук, похожий на предсмертный хрип, и закрыла лицо руками.

— Полиция? Вы смеетесь надо мной? Мой муж ужинает с генералами из этих структур. Если я приду в полицию, через час копия моего заявления будет лежать на столе у Романа. А еще через час меня найдут мертвой. Скажут, несчастный случай. Передозировка. Или самоубийство из-за депрессии. У меня же панические атаки, я же к психологу хожу! Идеальный диагноз для суицидницы!

Она затряслась в беззвучных рыданиях. Лидия встала, подошла к кулеру, налила стакан воды и подала его клиентке.

— Валерия, выпейте. Дышите глубоко. Вместе со мной. Вдох... выдох.

Она потратила следующие двадцать минут на то, чтобы просто стабилизировать женщину, вывести ее из состояния острой панической атаки. Она использовала техники заземления, заставляла ее считать предметы в комнате, возвращала ее в реальность кабинета «Опоры».

Когда дыхание Виктории немного выровнялось, сессия подошла к концу.

— Я не могу пойти в полицию, — глухо, безнадежно повторила Виктория, комкая в руках салфетку. — И я не могу сбежать. У меня забрали загранпаспорт. Роман сказал, что для оформления какой-то визы, но я знаю, что это ложь. Я заперта.

— Мы найдем выход, Валерия. Я обещаю вам, мы будем искать варианты, — Лидия говорила эти слова, хотя сама не верила ни единому из них. Ситуация казалась патовой.

Виктория поднялась с кресла. Она снова надела очки, поправила воротник, закрывая страшный след на шее, и превратилась в безликую женщину в пальто.

— Спасибо вам. Просто за то, что слушаете. Я... я приду послезавтра. Запишите меня.

— Обязательно. Берегите себя, Валерия. Пожалуйста, будьте осторожны.

Дверь закрылась. Лидия подошла к столу и выключила диктофон. Цифры на экране погасли.

Она опустилась в кресло, чувствуя себя абсолютно разбитой. Ее профессиональный мир, мир, где всё можно было разложить по полочкам, проанализировать и проговорить, рушился на глазах, сталкиваясь с жестокой, криминальной реальностью.

«Что делать, если знаешь то, что может кого-то убить?»

Слова Виктории эхом отдавались в голове Лидии. Она вспомнила утреннюю встречу в лифте. Насмешливые, умные глаза Максима. Его спокойную, мужскую силу. «Не тратьте нервы на тех, кто этого не стоит», — сказал он ей. Если бы он только знал, в какую бездну она уже провалилась.

Лидия еще не понимала, что этот вопрос Виктории — это не просто крик о помощи. Это проклятие, которое передалось ей самой, как вирус. И что очень скоро этот вирус начнет пожирать ее собственную, только-только начавшуюся заново жизнь в элитном доме под названием «Панорама».

ГЛАВА 5

Утро выдалось серым, холодным и неприветливым — типичным для московской осени, когда небо нависает над городом тяжелой свинцовой крышкой, а ветер пробирает до самых костей. Максим Орлов, старший оперуполномоченный убойного отдела, проснулся от резкого, настойчивого звонка мобильного телефона.

Он открыл глаза и несколько секунд смотрел в потолок своей квартиры на тринадцатом этаже. Квартира была просторной, с хорошим, хоть и немного устаревшим ремонтом, и досталась ему в результате сложной цепочки обменов и доплат после развода. Бывшая жена с сыном-подростком перебрались в уютную трешку в спальном районе, а Максим, волею судеб и удачной сделки, оказался жильцом элитной «Панорамы». Он чувствовал себя здесь чужим. Его раздражали сверкающие лифты, предупредительные до тошноты консерджи и соседи, которые смотрели сквозь него, оценивая не человека, а стоимость его ботинок.

Телефон на прикроватной тумбочке продолжал надрываться. Звонил Дима Соколов — его молодой, вечно энергичный напарник.

— Да, Димон, — хрипло ответил Максим, садясь на кровати и потирая лицо свободной рукой. Часы показывали половину седьмого утра.

— Макс, доброе утро. Ты дома? — голос Соколова был непривычно собранным, без обычных утренних шуточек.

— Дома. Сплю, вообще-то. У меня сегодня отгул за прошлые выходные, если ты забыл.

— Отгул отменяется. У нас жмурик. И самое интересное, Макс, что ехать тебе никуда не надо. Можешь прямо в тапочках подниматься.

Сон сняло как рукой. Максим нахмурился, чувствуя, как внутри натягивается привычная профессиональная струна.

— В смысле — подниматься?

— Твой адрес. Жилой комплекс «Панорама». Пятнадцатый этаж, пентхаус. Беляева Виктория Эдуардовна, тридцать шесть лет. Падение с высоты, труп на балконе. Эксперты уже выехали, я буду минут через двадцать, пробки только начинаются. Так что давай, надевай штаны и дуй наверх, бери ситуацию под контроль, пока там местные адвокаты не затоптали все улики.

Максим выругался сквозь зубы и сбросил вызов.

Беляева. Пятнадцатый этаж. Он знал эту фамилию. Беляев был застройщиком этого самого дома, местным царьком и небожителем. Максим никогда не пересекался с ним лично, но наслышан был достаточно. А еще он вспомнил вчерашнее утро и свою новую, колючую соседку с четырнадцатого этажа. «Однажды это плохо кончится», — звучал в его голове ее низкий, красивый голос на лестничной клетке.

Предчувствие, липкое и неприятное, кольнуло где-то под ребрами. Максим быстро оделся, натянул джинсы, рубашку, захватил кобуру с табельным оружием, которую по привычке всегда держал в сейфе, и вышел в коридор.

Он не стал вызывать лифт. Прошел на черную лестницу и быстро взбежал на два пролета вверх.

Дверь пентхауса на пятнадцатом этаже была распахнута настежь. Около нее топтался бледный, как полотно, консерж Геннадий Палыч, который судорожно сжимал в руках форменную фуражку. Увидев Максима, он дернулся, словно от удара.

— Максим Андреевич... горе-то какое... — забормотал консерж, и его обычно хитрые, бегающие глазки сейчас выражали неподдельный, животный ужас. Первый шок от случившегося уже начал расползаться по идеальным этажам «Панорамы», грозя разрушить ее стерильный покой. — Виктория Эдуардовна... красавица наша... как же так...

— Кто нашел? — коротко бросил Максим, отодвигая консервную банку плечом и переступая порог огромной, поражающей своей холодноватой роскошью квартиры.

— Домработница, Нина. Она приходит к семи, чтобы завтрак приготовить... Пришла, а там... окно на террасу открыто... и она лежит...

Максим прошел по длинному коридору, отделанному светлым деревом, в гостиную. Здесь уже работали ребята из патрульно-постовой службы, приехавшие первыми. В глубоком кожаном кресле сидел мужчина. Роман Беляев. Максим сразу понял, кто это. Даже сейчас, в халате, наброшенном поверх пижамных штанов, с посереженным лицом, он излучал властность и какую-то пугающую, каменную неподвижность. Он смотрел в одну точку на стене, не обращая внимания на суету вокруг.

— Лейтенант, доложите обстановку, — Максим подошел к молодому патрульному, который стоял у распахнутых панорамных дверей, ведущих на огромный балкон-террасу.

— Здравия желаю, товарищ майор. Труп женщины. Беляева Виктория Эдуардовна. Лежит на нижнем ярусе балкона. Судя по всему, упала с верхней, открытой террасы пентхауса — вон оттуда, — патрульный указал рукой на выступающий козырек крыши, куда вела винтовая металлическая лестница сбоку от балкона.

Максим шагнул на свежий воздух. Ветер тут же растрепал его волосы, бросив в лицо мелкую водяную пыль — на улице начинал накрапывать мерзкий осенний дождь.

Балкон был огромным, заставленным кадками с туями и плетеной садовой мебелью. И посреди этого великолепия, на холодном, полированном керамограните, лежала женщина.

Максим подошел ближе, стараясь не наступать в кровь. В этот момент на балкон вышел судмедэксперт Савельич — грузный, вечно недовольный жизнью мужчина с чемоданчиком.

— О, Орлов. И ты тут. А я думал, у тебя отгул, — проворчал Савельич, опускаясь на корточки рядом с телом и надевая латексные перчатки.

— Я здесь живу, Савельич. Что скажешь? Сама прыгнула?

Савельич аккуратно, профессиональными, мягкими движениями повернул голову убитой. Затем взял ее за руку, откинув край изумрудного шелка.

— Сама? Держи карман шире, — эксперт хмыкнул, доставая лупу. — Это не самоубийство, Макс. Эксперты сразу называют это падение подозрительным. Смотри сюда.

Он указал пинцетом на запястье женщины.

— Синяк на запястье. Свежий, еще даже цвет не поменял. Форма — четко выраженные следы пальцев. Кто-то очень крепко хватал ее за руку. И вот здесь, — он осторожно приподнял ее пальцы. — Два ногтя сломаны под корень. Под ними — микрочастицы кожи или ткани, в лаборатории скажут точнее. Это следы борьбы, Орлов. Она сопротивлялась, когда ее тащили к краю верхней террасы. И столкнули вниз.

Максим почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок. Убийство. В его собственном доме.

— Время смерти? — сухо спросил он, доставая блокнот.

— Навскидку — между часом и тремя ночи. Тело уже остыло, но окоченение только началось. Точнее скажу после вскрытия.

Максим кивнул и вернулся в гостиную. Роман Беляев по-прежнему сидел в кресле, словно статуя.

— Роман Викторович, — Максим подошел к нему и представился, показав удостоверение. — Майор Орлов. Приношу свои соболезнования. Мне придется задать вам несколько вопросов.

Беляев медленно перевел на него свой ледяной, непроницаемый взгляд. В его глазах не было ни слез, ни горя в привычном понимании этого слова. Был шок, да. Но это был шок человека, у которого сломалась дорогая и важная деталь в его идеально отлаженном механизме.

— Задавайте, майор, — голос Беляева звучал глухо, как из-под земли.

— Где вы были ночью, в период с часа до трех?

— Я спал. У нас с супругой... были разные спальни. В последнее время она плохо спала, страдала какими-то неврозами, ходила к психологам. Я много работаю, мне нужен полноценный отдых, поэтому мы спали раздельно. Моя комната — в противоположном конце квартиры. Звукоизоляция там идеальная. Я ничего не слышал. Утром меня разбудил крик домработницы.

— То есть, вы утверждаете, что не слышали ни криков, ни шума борьбы на верхней террасе? Ваша жена, судя по всему, сопротивлялась нападавшему.

Лицо Беляева дернулось. На скулах заходили желваки.

— Я сказал вам правду, майор. Я ничего не слышал. Вчера вечером мы... немного повздорили. Бытовая ссора. Она была на взводе. Возможно, она сама поднялась на крышу подышать воздухом. Возможно, у нее закружилась голова.

— Эксперт считает иначе. На ее запястье синяк от чужой руки. Это убийство, Роман Викторович. И мы будем искать убийцу. В квартире есть кто-то еще? Охрана, родственники?

— Нет. Только мы.

— Камеры видеонаблюдения?

— Внутри квартиры камер нет. Это мое личное пространство. Камеры есть только в коридоре подъезда и в лифтовом холле.

В этот момент в квартиру, громко топая ботинками, ввалился Дима Соколов. Его лицо, обычно румяное и веселое, сейчас было сосредоточенным и бледным.

— Макс, я с консьержем переговорил. Говорит, никто чужой ночью в подъезд не входил. Все жильцы. Дом закрытый, магнитные ключи, охрана периметра. Муха не пролетит.

Максим мрачно посмотрел на напарника.

— Значит, муха местная, Димон. Убийца — кто-то из своих. Кто-то, у кого был доступ, или кого жертва сама впустила. Начинать первый обыск. Прошерсти тут всё. Спальню, сейфы, документы. У Беляевой был телефон, ноутбук — всё изъять.

— Понял. А ты куда?

— А я пойду поговорю с соседями. Начну снизу. С тех, кто мог что-то слышать.

На четырнадцатом этаже было тихо. Лидия проснулась с тяжелой головой, словно накануне выпила не один бокал вина, а целую бутылку. Ночью ей снились кошмары. Ей снилась Виктория, которая бежала по бесконечной, винтовой стеклянной лестнице, а за ней гналась безликая тень в строгом костюме.

Она встала, накинула свой любимый кашемировый кардиган поверх домашней пижамы и пошла на кухню. Наливая воду в кофемашину, она краем глаза заметила какое-то нетипичное движение за окном. Посмотрев вниз, в колодец двора, она замерла.

Там стояли две полицейские машины с мигалками и карета скорой помощи. Синие сплохи отражались от стеклянных фасадов «Панорамы», придавая утру тревожный, зловещий оттенок. Около машин толпились люди в форме.

Сердце Лидии пропустило удар.

«Только не это, — прошептала она, прижимая ладонь к груди. — Господи, только не это».

Ее профессиональная интуиция, ее логика и ее страх слились воедино, выдавая единственный возможный ответ на вопрос, зачем сюда приехала полиция. Виктория. Вчерашний сеанс. Панические атаки, страх смерти, схема с квартирами, крики ночью.

Она бросилась в спальню за телефоном, но не успела даже разблокировать экран.

В дверь позвонили.

Звонок был резким, коротким, требовательным. Так не звонят консьержи или курьеры. Так звонит беда.

Лидия заставила себя глубоко вздохнуть. Она должна быть спокойной. Она психолог. Она умеет держать лицо. Медленно дойдя до двери, она посмотрела в глазок.

На лестничной площадке стоял Максим. Тот самый Максим, ее сосед снизу, с которым она вчера пикировалась в лифте. Но сейчас он был другим. На нем не было кожаной куртки — только темная рубашка и джинсы, а на поясе, под распахнутым воротом, Лидия отчетливо увидела кобуру с пистолетом. Лицо его было каменным, губы сжаты в тонкую линию, а в глазах цвета стали не осталось и следа вчерашней насмешливой иронии.

Она дрожащими руками повернула замок и открыла дверь.

Максим стоял на пороге. Когда дверь распахнулась, он уже открыл рот, чтобы произнести стандартную формулировку: «Уголовный розыск, майор Орлов...», но слова застряли у него в горле.

Секунду они смотрели друг на друга в полном молчании. В воздухе между ними словно пробежал электрический разряд, но теперь это было напряжение совсем иного рода. Это был шок столкновения двух реальностей.

— Вы? — выдохнула Лидия, отступая на шаг назад и крепче запахивая кардиган.

— Я, — глухо ответил Максим. Он шагнул в квартиру, закрывая за собой дверь, и этот жест отрезал Лидию от внешнего мира, оставляя ее один на один с следователем. — Майор уголовного розыска Орлов Максим Андреевич. А вы, как я понимаю, Лидия Морозова. Соседка с четырнадцатого этажа.

— Вы из полиции? — Лидия попыталась собраться с мыслями. Вчерашний привлекательный, ироничный мужчина испарился. Перед ней стоял профессионал, пришедший по ее душу. И она поняла, почему он здесь.

— Виктория Беляева мертва, — сказал Максим, не сводя с нее пронзительного, тяжелого взгляда. Он бил наотмашь, проверяя ее реакцию.

Лидия ахнула и прикрыла рот рукой. Несмотря на то, что она ожидала чего-то подобного, услышать это вслух было невыносимо. Ее пациентка. Женщина, которая только вчера сидела в ее кабинете, съездившись от ужаса, прося защиты, говоря: «Что делать, если знаешь то, что может кого-то убить?». Ее убили. Она не смогла ее спасти.

Максим, как опытный опер, мгновенно считал ее реакцию. Шок был неподдельным. Но за этим шоком крылось что-то еще. Страх. Вина. И какая-то тяжелая, гнетущая тайна.

— Я могу войти в гостиную? — жестко спросил он, не дожидаясь приглашения, и прошел вперед.

Квартира Лидии встретила его горами нераспакованных коробок. На полу лежал одинокий матрас со смятым постельным бельем. Максим окинул всё это цепким, профессиональным взглядом. Следов борьбы нет. Живет одна. Только-только переехала.

Лидия прошла за ним следом, чувствуя, как дрожат колени. Она опустилась на одну из коробок.

— Как это произошло? — тихо спросила она, глядя в пол. Ей было страшно поднять на него глаза.

— Падение с верхней террасы ее пентхауса на нижний балкон. Убийство. Кто-то помог ей упасть. Сегодня ночью, между часом и тремя. — Максим встал напротив нее, возвышаясь темной, угрожающей фигурой. — Где вы были в это время, Лидия?

— Я... я была дома. Спала.

— Спали? — он чуть наклонил голову, и в его голосе зазвучала опасная, звенящая сталь. — Вы уверены, что спали?

— Конечно, уверена. Я легла около полуночи. У меня был тяжелый день.

Она врала, и они оба это знали. Она врала не потому, что убила Викторию, а потому, что ее связывала профессиональная этика. Она не могла рассказать ему о сеансе, о панических атаках, о страхах Виктории. Это была врачебная тайна. Тайна, которая теперь, со смертью клиентки, превратилась в удавку на шее самой Лидии.

Максим сунул руки в карманы джинсов и медленно прошелся по комнате, подойдя к панорамному окну.

— Знаете, Лидия, в моей работе есть одно золотое правило. Совпадений не бывает. Вчера утром мы встречаемся в лифте, и я хвалю вашу акустику. Я слышал, как позавчера ночью вы стояли на лестничной клетке и кричали: «Однажды это плохо кончится». Кричали вы это в сторону пентхауса. В сторону квартиры, где жили Роман и Виктория Беляевы. А сегодня ночью Виктория падает с балкона со следами борьбы на руках.

Он резко развернулся к ней.

— У вас был мотив. Вы конфликтовали. Вы ненавидели эту женщину настолько, что угрожали ей на весь подъезд. Вы живете прямо под ней. Вам ничего не стоило подняться по пожарной лестнице на крышу, пройти на ее террасу...

— Вы с ума сошли?! — Лидия вскочила на ноги. Страх внезапно сменился яростью, спасительной и горячей. — Я не угрожала ей! Это был... это был просто эмоциональный срыв! Позавчера ночью у них был скандал. Я услышала шум, разбитое стекло, крики Виктории. Я поднялась, чтобы помочь. По-соседски! Из-за своей дурацкой привычки не проходить мимо, когда кому-то плохо! А они... Роман был ледяным, как айсберг, а она... она просто выставила меня вон. Накричала, чтобы я не лезла в их жизнь. И да, я разозлилась. И бросила эту фразу. Но это не была угроза убийством! Я кризисный психолог, я просто констатировала, что такие токсичные отношения всегда заканчиваются плохо!

Максим смотрел на нее, не перебивая. Его глаза сверлили ее насквозь. Он видел перед собой невероятно красивую, доведенную до отчаяния женщину. Он хотел ей верить. Какая-то часть его, мужская, инстинктивная, отчаянно хотела защитить ее, прижать к себе и сказать, что всё будет хорошо.

Но майор Орлов не имел права на эмоции. Он официально вел дело. И перед ним стояла подозреваемая.

— Вы поднялись, чтобы помочь, — медленно повторил он. — Вы, психолог, влезли в чужую семейную ссору. И вас отшили. Ваше самолюбие было задето. А сегодня ночью, когда она снова кричала, вы решили не помогать. Вы решили... закончить это.

— Да как вы смеете! — Лидия задохнулась от возмущения. — Я никого не убивала! Сегодня ночью я спала! Я ничего не слышала! У вас идеальная звукоизоляция в этом чертовом доме!

— Не идеальная. Вы же сами сказали, что слышали их ссору позавчера. Значит, и сегодня должны были слышать. Но вы молчали. Почему, Лидия? Что вас связывало с Викторией Беляевой? Только конфликт на лестнице?

Лидия прикусила губу так сильно, что почувствовала солоноватый вкус крови. «Валерия». Запись на диктофоне. Рассказ о финансовых махинациях и отмывании денег. Если она сейчас скажет Максиму, что Виктория была ее клиенткой, если отдаст записи — она нарушит все мыслимые законы этики и подставит себя под удар. Вдруг Роман Беляев узнает, что психолог передала следствию компромат на его империю? Она сама не доживет до утра.

— Нас не связывало ничего. Мы просто соседи, — выдавила из себя Лидия, отводя глаза.

Максим шумно выдохнул. Он подошел к ней почти вплотную. От него пахло дождем и напряжением.

— Вы мне лжете, Лидия. Лжете так неумело, что мне становится за вас страшно.

Он наклонился к ней. Их лица оказались в нескольких сантиметрах друг от друга. Лидия почувствовала тепло его дыхания на своей коже, и, вопреки всему ужасу ситуации, по ее телу пробежала предательская дрожь.

— Я не хочу вас подозревать, — тихо, почти шепотом сказал Максим. В его голосе прозвучала неожиданная, пугающая искренность. — Вы мне нравитесь. И вы не похожи на хладнокровную убийцу. Но факты говорят против вас. У вас нет алиби на эту ночь. У вас был

публичный конфликт с жертвой. И вы единственная, кто был дома и мог легко проникнуть на крышу. Я обязан оформить вас как главную подозреваемую, Лидия.

Лидия закрыла глаза. Капкан захлопнулся. Ее попытка начать жизнь с чистого листа в новой квартире обернулась катастрофой. В ее доме все носили маски. Виктория сняла свою и умерла. А теперь ей самой предстояло вступить в эту смертельную игру, где на кону стояла ее собственная свобода и жизнь.

— Оформляйте, — так же тихо ответила она, открывая глаза и встречаясь с его стальным взглядом. — Но я ее не убивала. И вам придется это доказать, майор. Или мне самой придется найти настоящего убийцу.

Максим долго смотрел на нее, затем медленно отстранился. В этот момент его рация на поясе ожила, зашипев помехами.

— Орлов, ответь. Это Соколов, — раздался из рации голос напарника.

— На связи, — Максим нажал кнопку.

— Макс, мы тут сумочку потерпевшей распотрошили. Ту, с которой она, видимо, вчера на улицу выходила. Тут в потайном кармашке визитка завалась. Интересная такая.

Максим нахмурился, чувствуя, как Лидия вдруг вся напряглась и побледнела еще сильнее.

— Что за визитка?

— «Лидия Морозова. Кризисный и семейный психолог». Макс, это же соседка наша, с четырнадцатого. Так что, тащить ее наверх? Похоже, у них были дела поинтереснее, чем просто соседские терки.

В комнате воцарилась звенящая, мертвая тишина. Рация замолчала.

Максим медленно поднял глаза на Лидию. Вся его мужская симпатия, всё его нежелание верить в ее виновность разбились вдребезги о железобетонный факт. Визитка. В сумке убитой.

— Ничего нас не связывало, говорите? — голос Максима стал ровным и мертвым, как лед. Он достал из кармана телефон. — Соколов. Не надо наверх. Я уже у нее. Вызывай наряд. Морозова едет в отдел. На официальный допрос.

Лидия молча опустила на коробку с неразобранными книгами. Первый шок дома еще только начинал расходиться кругами по воде идеальной «Панорамы», а Лидия уже тонула в самом центре этой воронки. Их отношения с Максимом, не успев толком начаться с искры интереса в стеклянном лифте, рухнули в пропасть полицейского протокола. Они оказались по разные стороны баррикад. И эта ночь, которая унесла жизнь Виктории, навсегда перечеркнула их собственное, спокойное завтра.

ГЛАВА 6

Спуск на первый этаж в стеклянном лифте «Панорамы» показался Лидии бесконечным, растянутым во времени, как дурной сон, из которого невозможно вырваться. Еще вчера она стояла в этой же хромированной кабине, чувствовала на себе оценивающий, ироничный взгляд Максима Орлова, вдыхала запах его табака и ощущала легкое, будоражащее покалывание от взаимного интереса. Сегодня она спускалась в компании того же мужчины и его напарника, но между ними выросла непробиваемая стена процессуального отчуждения.

Максим молчал. Он стоял чуть впереди, заложив руки за спину, его широкие плечи напряглись, а профиль казался высеченным из серого гранита. Молодой оперативник Дима Соколов, напротив, нервно переминался с ноги на ногу, то и дело бросая на Лидию косые, подозрительные взгляды.

Когда двери разъехались на первом этаже, Лидия инстинктивно вжала голову в плечи. Холл «Панорамы» был полон суеты. Возле стойки ресепшен перешептывались какие-то жильцы, которых она видела мельком. Геннадий Палыч, бледный и потный, давал показания дежурному сержанту. Увидев Лидию в сопровождении оперов, консьерж осекся на полуслове. Его рот приоткрылся, а маленькие глазки алчно блеснули — вот она, главная сплетня месяца,

готовая сорваться с языка. Элитный дом, гордившийся своей стерильностью, жадно впитывал кровь и скандал.

Они вышли под холодный, колющий московский дождь. Служебный «Форд Фокус» ждал их прямо у парадного входа, нагло перегородив выезд сияющему «Майбаху» кого-то из соседей.

— Садитесь назад, Лидия Сергеевна, — сухо бросил Максим, открывая перед ней заднюю дверцу.

Его голос прозвучал как щелчок затвора. Лидия, путаясь в полах своего кашемирового пальто, неловко забралась на заднее сиденье. В машине пахло застарелым табаком, мокрой шерстью и дешевым пластиком — запах системы, перемалывающей людские судьбы. Дима сел за руль, Максим опустился на переднее пассажирское кресло. Всю дорогу до районного управления внутренних дел они ехали в гнетущем, свинцовом молчании, нарушаемом лишь ритмичным скрипом дворников, размазывающих по лобовому стеклу серые слезы столичного неба.

Здание отдела полиции встретило ее обшарпанными коридорами, выкрашенными в казенный зеленый цвет, тусклым светом люминесцентных ламп и какофонией звуков: звонки телефонов, чья-то ругань за закрытыми дверями, лязг железных решеток. После тишины и роскоши «Панорамы» этот мир казался грубым, грязным и пугающе реальным. Здесь не было места полутонам и изысканным неврозам. Здесь пахло страхом и немывтыми телами.

Максим провел ее по лабиринту коридоров в кабинет на третьем этаже. Это была классическая допросная — или, по крайней мере, рабочий кабинет оперов, который использовался для этих целей. Стол из ДСП с облупившейся кромкой, два жестких стула напротив, решетка на окне, выходящем на глухую кирпичную стену соседнего здания. В углу гудел старый системный блок компьютера, а воздух был густым, спертый, пропитанным тысячами выкуренных сигарет и чужим отчаянием.

— Присаживайтесь, — Максим указал на стул для посетителей. Сам он не сел, а отошел к окну, заложив руки в карманы джинсов и глядя на Лидию сверху вниз. Дима Соколов устроился за компьютером, с хрустом размяв пальцы над клавиатурой, готовый вести протокол.

Лидия опустилась на жесткое сиденье. Она была психологом, она знала все приемы подавления личности, которые использует следствие. Физическое возвышение следователя над допрашиваемым, жесткий свет, лишение человека контроля над пространством — она читала об этом лекции. Но знать теорию и оказаться по ту сторону стола — это были две совершенно разные вещи. Ее тело било мелкой, предательской дрожью, а ладони стали влажными и ледяными.

Официальный допрос начался.

— Итак, Морозова Лидия Сергеевна, — голос Максима был лишен каких-либо эмоций. Это был голос государственной машины. — Тридцать четыре года. Место работы — частная психологическая практика, центр «Опора». Место жительства — ЖК «Панорама», квартира сто двенадцать. Всё верно?

— Да, — Лидия сглотнула, голос прозвучал хрипло и жалко. Она откашлялась и повторила громче: — Да. Всё верно.

— Лидия Сергеевна, вы понимаете, по какому поводу вы здесь находитесь?

— Из-за смерти Виктории Беляевой. Вы... вы сказали, что ее убили.

— Именно. И сейчас мы восстанавливаем хронологию событий прошлой ночи. В период с часа до трех часов ночи где вы находились?

— Я уже говорила вам у себя дома. Я была в своей квартире. Спала.

Максим медленно отошел от окна и оперся руками о край стола, нависая над Лидией.

— Кто-нибудь может это подтвердить? У вас есть свидетели, которые могли бы подтвердить ваше алиби?

У Лидии нет алиби — она была одна дома, и это был неоспоримый, пугающий факт.

— Нет. Я живу одна. Я недавно развелась и переехала в эту квартиру только позавчера. Вы же сами видели, у меня даже вещи не разобраны. У меня нет алиби. Но это не значит, что я бродила по крышам и убивала людей!

Соколов застучал по клавишам, методично вбивая ее слова в протокол. Сухой треск клавиатуры отдавался в висках Лидии глухой болью.

— Это значит лишь то, что вы находились в здании, где было совершено убийство, и никто не может подтвердить ваши слова, — бесстрастно констатировал Максим. — Более того, Лидия Сергеевна, у вас был мотив.

— Мотив?! — Лидия вскинула голову, ее глаза вспыхнули. — Какой к черту мотив? Я знала эту женщину два дня!

— За два дня можно многое успеть, — Максим сузил глаза. — Например, устроить публичный конфликт накануне ночью. Мы опросили консьержа. Он подтвердил, что вы бежали на пятнадцатый этаж. И я сам, лично, слышал, как вы кричали на лестнице: «Однажды это плохо кончится». Кричали вы это после ссоры с Беляевыми, после того, как вас, по вашим же словам, выставили за дверь. Вы были унижены. Вы были в гневе. У вас — публичный конфликт с жертвой, и это железобетонный мотив.

Лидия почувствовала, как земля уходит из-под ног. Ее собственная профессиональная деформация, ее стремление помочь, обернулись против нее.

— Вы переворачиваете всё с ног на голову! — горячо возразила она, подаваясь вперед. — Да, я поднялась туда, потому что услышала крик Виктории! Я испугалась за ее жизнь! Ее муж... вы бы видели его глаза! Он пугает. Виктория была в ужасе, она была загнана в угол, но боялась принять помощь. Она накричала на меня, чтобы спасти себя перед ним. А моя фраза... Поймите, майор Орлов, я кризисный психолог. Я работаю с жертвами домашнего насилия. Я видела паттерн поведения. Моя фраза была не угрозой, а констатацией факта! Я понимала, что их токсичные отношения приведут к трагедии!

— И решили ускорить эту трагедию? — встрял Дима Соколов, не отрываясь от монитора.

— Нет! — Лидия ударила кулаком по столу, забыв о самоконтроле. — Я вернулась в квартиру и легла спать! Я не убивала ее!

Максим долго смотрел на нее. Его взгляд был тяжелым, пронизывающим. В нем читалась странная смесь профессионального подозрения и глубокого, личного сожаления. Он выпрямился, сунул руку во внутренний карман куртки и достал небольшой прозрачный пластиковый пакет — зип-лок для улики.

Он бросил пакет на стол прямо перед Лидией.

— Допустим, я вам верю, — тихо произнес Максим. — Допустим, конфликт на лестнице был случайностью. Допустим, вы действительно просто сердобольная соседка. Тогда объясните мне вот это.

Лидия опустила глаза. Внутри пластикового пакета лежал небольшой, безупречно белый прямоугольник плотного картона с золотым тиснением.

«Морозова Лидия Сергеевна. Семейный и кризисный психолог. Конфиденциально». И номер телефона.

Это была ее визитка.

Главное, что нашли оперативники в сумочке погибшей, с которой та вышла на балкон в свою последнюю ночь, — это ее визитка психолога.

Воздух в кабинете внезапно закончился. Лидия почувствовала, как комната начинает медленно вращаться. Кровь отхлынула от лица, и она физически ощутила, как бледнеет. Ее сердце сделало судорожный кувырок и забилося где-то в горле, мешая дышать.

В сумочке погибшей находят ее визитку. Визитку, которую Лидия дала Виктории... нет, «Валерии» в своем кабинете. Женщине в черных очках и платке, которая пришла к ней в

состоянии острого психоза, рассказывая о криминальных схемах мужа, об отмывании денег через фиктивные квартиры и о том, что боится за свою жизнь.

«Если я приду в полицию, через час копия моего заявления будет лежать на столе у Романа», — вспомнила Лидия слова Виктории.

И вот теперь полиция сидит перед ней. И требует ответов.

— Мы нашли это в ее личной сумочке, — голос Максима звучал как приговор. — В той самой, с которой она вышла на террасу. Среди помады, ключей и телефона. Она хранила ее в потайном кармашке. Зачем светской львице, жене миллионера, визитка соседки снизу, с которой она, по вашим словам, была едва знакома?

Тишина в допросной стала абсолютной, звенящей. Дима перестал печатать. Оба оперативника смотрели на нее, ожидая ответа.

А Лидия молчала. В ее голове шла отчаянная, страшная борьба.

Она знала правду. Знала, что Роман Беляев — монстр, а его финансовый директор Величко отмывает грязные деньги. Знала, что Виктория искала у нее не только психологической помощи, но и защиты, оставив записи сессий как страховку. Если она сейчас скажет: «Да, она была моей клиенткой, она приходила ко мне под вымышленным именем, потому что ее муж — преступник», это может дать следствию новый вектор.

Но что последует за этим?

Во-первых, она не имеет никаких доказательств, кроме зашифрованных диктофонных записей сумасшедшей, забитой женщины. Для Беляева, у которого, по словам той же Виктории, всё схвачено в силовых структурах, раздавить психолога-одиночку ничего не стоит.

Но было и нечто большее. Нечто фундаментальное, что составляло саму основу личности Лидии. Профессиональная этика. Лидия была связана профессиональной этикой и врачебной тайной. Она давала клятву. Кабинет психолога — это исповедальня. То, что сказано там, не может быть использовано против клиента или передано третьим лицам без его согласия. Даже если клиент мертв. Раскрыть тайну Виктории сейчас означало предать саму суть своей профессии, превратиться в доносчика, нарушить базовый закон конфиденциальности. Лидия не могла объяснить происхождение визитки и характер их отношений.

Она сжала руки в замок, так сильно, что ногти впились в кожу.

— Я... я не знаю, как она у нее оказалась, — выдавила Лидия, глядя не на Максима, а на стол.

— Вы не знаете? — Максим саркастически приподнял бровь.

— Возможно, она взяла ее на ресепшене. Или консьерж дал. Я оставляла несколько штук Геннадью Палычу, когда заезжала.

Это была ложь. Жалкая, очевидная ложь, сшитая белыми нитками. Она ни разу не давала свои визитки консьержу.

Максим тяжело оперся о стол обеими руками, приблизив свое лицо к ней. Его стальные глаза метали молнии.

— Вы держите нас за идиотов, Лидия Сергеевна? Мы проверили. Консьерж не давал ей никаких визиток. Эта карточка новая, не помятая, она не валялась в кармане. Она была спрятана. Вы лжете мне в лицо. Почему? Что вас связывало? Вы были любовницами? Вы шантажировали ее? Или, может, вы были ее тайным психоаналитиком, и она рассказала вам то, за что вы решили ее скинуть с балкона?!

— Не смейте! — вскрикнула Лидия. Слезы бессилия навернулись на глаза, но она волевым усилием заставила их высохнуть. — Не было никакого шантажа! И я ее не убивала!

— Тогда скажите правду! — почти сорвался на крик Максим. Его выдержка дала трещину. Он не хотел ее давить, он хотел, чтобы она помогла ему вытащить ее из этой ямы, но она с упорством самоубийцы продолжала копать себе могилу. — Откуда у Беляевой ваша визитка?! Какой характер носили ваши отношения?!

— Я не могу вам сказать, — прошептала Лидия, отворачиваясь к стене. — Я не могу объяснить происхождение визитки. Я просто... не могу. У меня есть профессиональные обязательства.

Со стороны это выглядело чудовищно. Для Димы Соколова, хладнокровно фиксирующего каждое слово, и для Максима Орлова, ее молчание и путанные объяснения выглядели как чистосердечное признание пополам с откровенной ложью. Подозреваемая отказывается сотрудничать, юлит, прикрывается какими-то мифическими «обязательствами», имея на руках мотив, отсутствие алиби и прямую улику, связывающую ее с жертвой.

Максим выпрямился. Его лицо закрылось, превратившись в безжизненную маску оперуполномоченного.

— Соколов. Выйди на минуту, — бросил он, не глядя на напарника.

Дима удивленно моргнул, но спорить не стал. Он послушно поднялся, прихватил со стола пачку сигарет и вышел из допросной, плотно прикрыв за собой тяжелую, обитую дерматином дверь.

В кабинете повисла густая, тяжелая тишина. Только старый системный блок продолжал монотонно гудеть в углу.

Максим подошел к стулу, стоящему напротив Лидии, развернул его спинкой вперед и сел, оседлав его. Он оказался очень близко. Лидия чувствовала запах его туалетной воды — что-то с нотами кедра и черного перца, смешанное с запахом крепкого кофе. Это была пугающая, животная близость, которая в любой другой ситуации заставила бы ее сердце биться от волнения. Но сейчас она испытывала только страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.